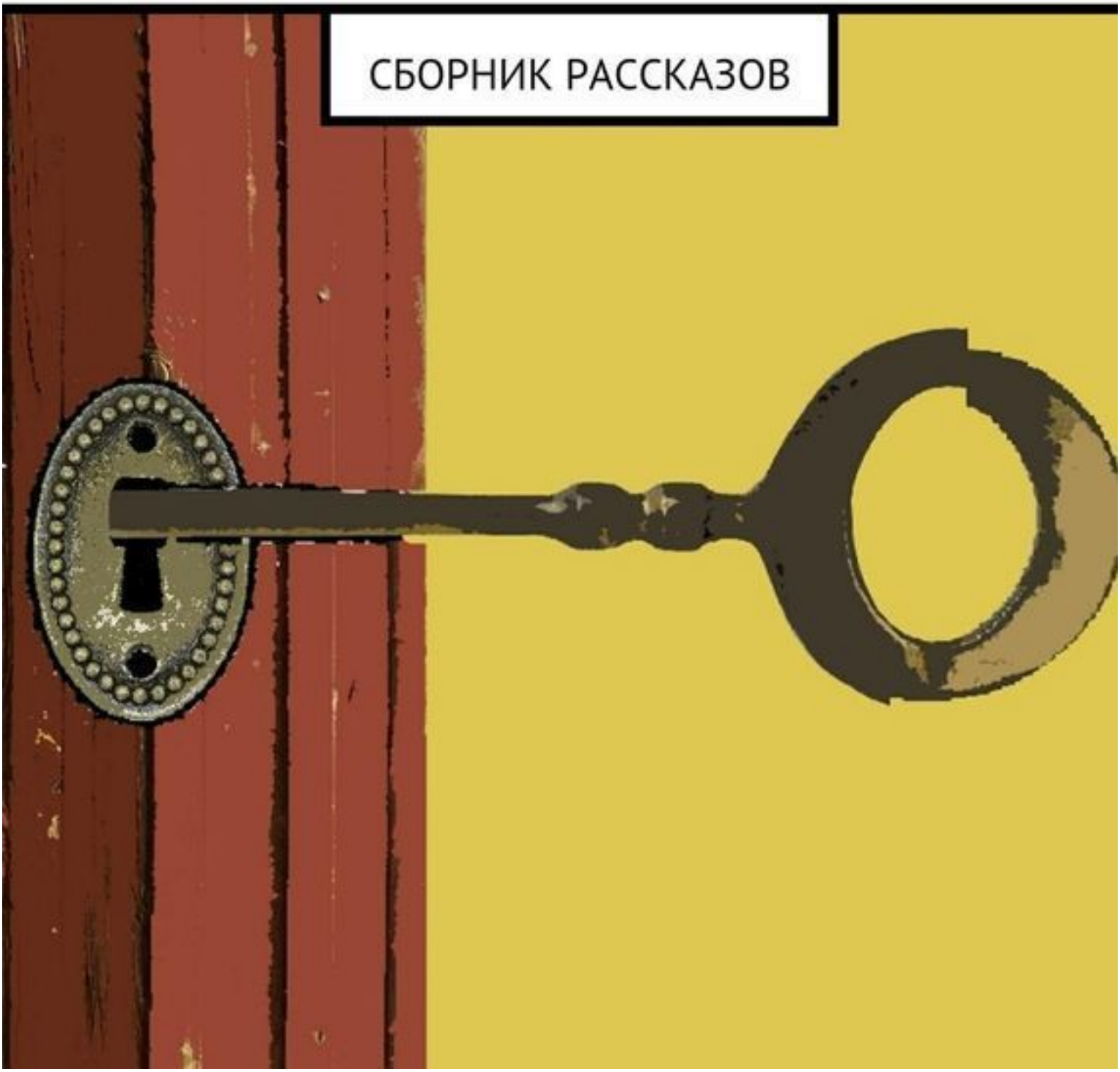
ЕВГЕНИЙ ПЫШКИН

Поворот ключа



Евгений Пышкин

Поворот ключа. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Пышкин Е.

Поворот ключа. Сборник рассказов / Е. Пышкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743769-5

Поворот ключа — и дверь открывается. Новый мир ожидает за порогом. Каждый отдельный рассказ похож на отдельную вселенную, что живет по своим законам. Они порой предсказуемы, порой нелогичны, а иногда абсурдны, но в любом случае мир продолжает жить.

ISBN 978-5-44-743769-5

© Пышкин Е.
© Издательские решения

Содержание

Земфира 6
Потерявшие солнце 11
23:37 12
01:09 16
02:56 19
03:24 23
04:18 25
Елеазар 26
1 27
2 29
3 30
4 32
5 33
6 35
7 37
8 39
9 41
10 42
У синего моря 44
1 45
2 47
3 49
4 50
5 52
6 54
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Поворот ключа
Сборник рассказов

Евгений Пышкин

© Евгений Пышкин, 2017

ISBN 978-5-4474-3769-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Земфира

Аннотация: Встреча, как неуловимое дыхание лета, ускользающее из ослабевающих рук на грани детства и взрослой жизни. Девушка-видение, что явилась из иного мира, словно корабль-призрак у моих берегов.

…

Осень легкими перстами коснулась природы, оставив капли золота на деревьях. Еще нет холодных дней, зима только наблюдала, примерялась, будто считала дни до своего прихода. И нетерпеливое ожидание ледяной волшебницы чувствовалось в пронзительной синеве неба, тишине, которая вдруг завладевала городскими парками в начале осени. Отголоски прошедшего лета ощущались везде. Они не изгладились из памяти, оставив приятное послевкусие: безбашенное время, случайные знакомые, друзья. Не забыть этот рай, и трудно подчиниться новым ритмам жизни. Нет желания просиживать штаны в аудиториях. Ждешь одного: скорей закончились бы пары – и домой. И так каждый будний день.

Ты – подросток, но уже не ждешь чудес мира. Легкая грусть и легкое разочарование горько-сладким привкусов осталась в душе. Но думаешь: чудеса есть, они случаются.

И вот, когда волшебство приходит, воспринимается оно как нечто обыденное и само собой разумеющееся. Много происходит событий в жизни. Некоторые из них останутся непонятными и туманными, другие – яркими, запоминающимися. Почему? Ты не найдешь ответа.

Что-то промчалось в жизни мимо, не оставив следа, похожее на удивительный калейдоскоп эпизодов из прошлого. Сколько раз уже – тысячу, не меньше – я вспоминал минувшее и не верил памяти ни на грош. Но, это случилось со мной. Это было много лет назад. Тогда двадцатилетний юноша встретил девушку. Мало ли какие знакомства случаются. Чему удивляться? Что тут особенного? Но в первые мгновения я не осознал неповторимости встречи. «Неповторимость встречи» – звучит беспомощно, ибо трудно подобрать синоним. Мистика? Потустороннее? Пожалуй.

Земфира – так звали девушку…

…

Занятия кончились. Я быстро сбежал по ступеням института, машинально оглянувшись по сторонам. Невдалеке заметил пеструю группу девчонок. Всех их узнал, кроме одной. Она, казалось, была с ними, но в тоже время стояла в стороне, точно прибившийся случайно к берегу корабль, занесенный из иных краев.

Я невольно замедлил шаг, рассматривая ее, и определил: «Нет, не из нашей группы». И будто кто-то шепнул на ухо: «Да и учится ли здесь?»

Девушка меж тем сделала жест – попрощалась и, не спеша, стала уходить. Я подошел к одногруппницам и, бросив взгляд в сторону незнакомки, произнес:

– Привет, девчонки. Кто она?

– Привет, Жень. Ты о ком? О ней? Случайно встретились, но если ты хотел замутить, то зря. Она странная.

– А может, я люблю странности.

– Но не такого рода же? – они рассмеялись.

– То есть?..

Я внимательно посмотрел на девчонок, а затем перевел взгляд в сторону незнакомки. Она повернула за угол института. Мысль почему-то приняла ясные очертания. Она всплыла из мутной воды сознания: «Я хочу познакомиться».

Девчонки что-то говорили о ней, гадая и обсуждая, только напрасно. Их догадки я пропустил мимо ушей. Да и стоило ли слушать? Может, одногруппницы ошибались.

Попрощавшись с ними, я чуть не побежал за девушкой, и волнение, возникшее то ли от предстоящей встречи, то ли от тайны, что выдумал я, завладело душой.

Нагнав ее, произнес:

– Привет.

– Привет, – ответила она буднично, и совсем не удивляясь.

– Похоже, ты меня не заметила? – пытался я продолжить разговор.

– Почему? Заметила. Ты подходил к ним. Я видела.

Откуда? Она даже не бросила короткого взгляда в нашу сторону, когда уходила, или, может, это я такой невнимательный?

– Верно, подходил.

Она сосредоточено поглядела на меня, словно я что-то не то сказал, но лицо ее не выразило ни удивления, ни надменности. Девушка посмотрела открыто. Взгляд оказался нежным и мягким, как первые весенние лучи. Кажется, я даже почувствовал их физически: ослепительные, струящиеся и успокаивающие.

«Она красивая», – решил я. Даже бледная кожа не портила впечатления. Внешность ее, вроде, обычна, но было что-то еще, неуловимое. Мне пришло на ум сравнение с нежным растением, которое покачивается на ветерке.

Но больше всего я удивился себе. Ведь никогда такого не случалось. Ловя каждое мгновение, я пытался сберечь их в памяти, словно завтра не наступит никогда.

– Как тебя зовут?

– Земфира.

– А меня Евгений.

– То есть Женя.

– Да.

Нет, это какое-то колдовство. Слова как слова, и в тоже время они – запечатленные звуки на нотном стане жизни.

– Ты не обращай внимания на то, что говорили девчонки обо мне, – сказала она.

– А откуда ты знаешь, что они болтали?

– Не трудно догадаться.

– Ну, я не разделяю их мнения.

Земфира, остановившись, протянула руку:

– Пока. Мне надо идти.

– Уходишь? Может, мы еще встретимся?

– А ты хочешь?

– Конечно.

– Завтра жди меня у института.

– Можно я тебя провожу?

– Нет.

В ее голосе прозвучал испуг. Я чуть-чуть удивился, но обещание будущей встречи сгладило это удивление. Я не настаивал.

На прощание нежно взял ее холодную кисть. Она утонула в ладони. Такой маленькой показалась кисть в ту минуту. И когда смотрел ей в след, то думал о свидании, но в душе отчего-то зародилось беспокойство. Ах, ну да, отказ. Я ему не придал значения, решив, что это не повторится. Что ж, кто знает, возможно, сегодня она занята, мало ли.

Но на следующий день, когда я заговорил о том же, Земфира вновь произнесла решительно: «Нет». И опять в голосе ее прозвучала тревога. И опять она не хотела, чтобы я провожал ее до дома.

Мы виделись почти каждый день. Ожидание встречи с ней – самые приятные минуты. Я вспоминал ее голос, глаза и фигуру, но беспокойство не покидало меня даже в эти солнечные мгновения. Я не мог избавиться от него. Если же вычеркнуть тревогу из всей гаммы ощущений, то, казалось, все хорошо. Но «хорошо» – не то слово. На земле не существовало языка, способного выразить мое состояние.

Каждый раз я узнавал Земфиру заново. Будто проживал один и тот же день. Я ощущал себя персонажем древней легенды. Героем, который старается найти выход из мрачного подземелья, а Земфира оказывалась тем источником света, что указывал путь на поверхность. И вот, вроде, я достигал цели. Лучик, словно нить Ариадны в моих руках, и скоро закончатся мрачные катакомбы, но мгновение спустя, я видел, что путешествию нет конца. Слабый и манящий луч вел дальше.

Милая Земфира, как хотел бы я быть ближе к тебе. И казалось, что был. Так миновал месяц. Мы продолжали встречаться и говорить.

Но беспокойство не оставило меня. Я понимал, что она скрывает свою жизнь от посторонних глаз, но я хотел знать причины этого.

…

Я, простившись с Земфирой недалеко от института, посмотрел ей вслед. Она ни разу не обернулась. Я любовался, как изящная фигура девушки уплывала дальше и дальше.

Вот Земфира прошла через ворота и скрылась. Пора. Я двинулся за ней быстрым шагом. У ворот остановился. Огляделся. Девушка мелькнула в толпе, удаляясь. Продолжил преследование, держась как можно дальше, но не выпускал из виду. Меня удивляло, как она может так быстро идти. Будто не шагала, а скользила, словно лодка по глади вод. Я еле успевал.

И вот, потеряв счет времени и не обращая внимания на прохожих, видел перед собой только ее фигуру. Мир выпал из привычных ритмов и жил своей неясной жизнью, а я скользил по его поверхности.

Мы миновали шумные улицы. Стало безлюднее. Тишина и покой разлились в воздухе. Деревья, украшенные увядающей листвой, попадались чаще. Солнечные лучи нарисовали причудливые узоры на земле. Бетонные здания сменились деревянными постройками. Покосившиеся домики с облупившейся краской сиротливо взирали сверху вниз мутными стеклами и грустно вздыхали. Повеяло сказочным.

Земфира зашла в подъезд. Я ускорил шаг. Оказался внутри дома и прислушался. Ни единого звука. Я бросил взгляд наверх. Девушка все быстрее и быстрее поднималась по лестничным маршам. Она поняла, что преследуют, но мне было все равно.

Машинально отчитывая этажи, я пробежал по ступеням. Миновал первый этаж. Второй. На секунду остановился перед последним пролетом. Подумал: «А не окликнуть ли?» Но край платья мелькнул и исчез. Преодолев последний отрезок, я встал перед дверью, переводя дыхание.

Девушка будто растворилась. Я не услышал звука закрывающейся двери. Смеь удивления и испуга заполнила душу. Неужели я так увлекся погоней, что ничего не замечал?

Еще раз осмотрел дверь. Звонка не было. Два оголенных проводка змеиным язычком торчали из штукатурки. Постучал. Открыла женщина средних лет.

– Здравствуйте, позовите Земфиру.

– Здравствуйте, – ответила женщина и осуждающе поглядела на меня. – А, вы тот молодой человек? Евгений?

– Да.

– Земфира говорила мне о вас. А она не просила…

– Я хотел проводить ее, – бесцеремонно прервал я женщину.

– А она разве не говорила, что не нужно этого делать?

– Земфира мне сказала, но не объяснила причин.

– Почему вы такой нетерпеливый? Но теперь что уж, проходите.

Я удивился поведению женщины. На ее месте я взял бы и выдворил нахального юнца, который ломится в квартиру, да еще и не желает слушать.

Я прошел внутрь. Меня тут же насторожила квартира. Она произвела впечатление нежилого места. Неуютно. Полумрак. Воздух тяжелый.

– Идемте в зал, – сказала хозяйка квартиры. – Сейчас появится Земфира.

Нехорошее чувство зашевелилось в душе, как будто попал в переплет, а теперь лихорадочно думаешь, где выход и что дальше случится.

Мы сели на диван. Земфира явилась неожиданно. Я не сразу понял, что случилось. Сознание было во власть квартиры – сонной, неуютной, сумрачной. Она довлела над мыслями и ощущениями. Они смешались. Мгновение спустя, осенило: Земфира вышла из стены.

– Теперь вы понимаете? – спросила женщина.

– Да, – испуганно ответил я.

– Она призрак.

– Я же хотела, Женя, чтоб ты не провожал и не преследовал, – сказала Земфира умоляюще.

– Но меня мучило беспокойство… – оправдывался я.

– Я бы рассказала. Позднее или раньше. А теперь же мне нужно уйти.

– Нет, не уходи.

И тут я совершил глупый поступок: подошел к Земфире, встал на колено и обнял ладонями холодную кисть девушки.

– Нет, не уходи, – повторил я.

Земфира растворилась в воздухе, но я чувствовал ее присутствие рядом. Бесплотное тело девушки вновь появилось. Земфира плакала и говорила:

– Я не покину тебя, даже если ты меня не увидишь. Я буду с тобой здесь и здесь.

И Земфира коснулась пальцем моего лба и груди там, где сердце. Нежный огонь затеплился внутри.

…

Женщина рассказала, что Земфира умерла в марте две тысячи четвертого года. Ей было четырнадцать лет. Когда подросток оказался на том свете, то попросил хоть ненадолго вернуться на Землю, пока не явится на свет в образе другого человека. Земфиру спросили: «Зачем тебе туда?» Девушка ответила, что не знает человеческой любви. Так душа Земфиры оказалась на Земле.

– Но странно, зачем же она об этом молчала? Почему не сказала? – спросил я женщину.

– Странно? Разве не странны вы, живые, уставшие от жизни, и при этом боящиеся смерти? Земфира – призрак. Хочешь ли ты признавать это или нет, но она – вестник потустороннего мира, мира смерти. Так понимают призраков живые люди. Она не хотела тебя пугать.

Я промолчал в ответ.

Потом женщина рассказала о кладбище, где похоронили Земфиру.

Через неделю я побывал на погосте и отыскал могилу. Только в этот момент четко осознал, что сбылось обещание. Земфира жила со мной, в моем разуме и сердце. С тех пор я не забывал о ней.

май 2004 года.

Потерявшие солнце

Аннотация: Иногда странные вещи творятся в ночное время. Призраки иных миров воскресают. Они лёгкими видениями стремятся в город, где в ночном кафе повстречались он и она.

23:37

Мы видим город с высоты птичьего полета. Он похож на распластавшегося дракона, летящего над вечностью. Он сверкает шкурой, кажется мертвым, но там, под его кожей по холодным сосудам течет жизнь.

Солнце зашло. После заката город тонет во мраке и будто засыпает, а на самом деле рождается новая жизнь. Иная, чем днем. Мегаполис переливается огнями, и многоэтажные коробки стоят так неестественно, будто их создал не человек, а существо из иного мира. Жилые дома засыпают, а пробуждаются в блеске реклам ночные рестораны, кафе, бары. Продолжают свою работу магазины. Наступает то время, которое нельзя назвать ночью. Это иное, потустороннее, пришедшее из другого мира. Нечто живущее между вчера и завтра. И то ли безвременье, то ли ночь заставляет насторожиться горожанина. Ему чудятся огромные пустые пространства. Небытие скользит между домами. Ночь не приносит успокоения.

Беспредметное беспокойство. Оно толкает людей совершать бессмысленные движения, перемещаться из одной точки бытия в другую. И так повсюду. Иногда словно океанским прибоем их выбрасывает в ночные заведения.

В кафе за столиком сидят молодой человек и девушка. Они познакомились только что, поэтому разговор особо не клеится. Молчание часто окутывает их. Они ждут официанта.

Наконец, он подходит. На лицо надевается маска гостеприимства, нарочитая улыбка, жест, будто он марионетка и невидимый кукловод дернул сейчас за нить.

– Здравствуйте. Приветствую вас в нашем кафе. Заказ делать будем? – И не дожидаясь согласия, протягивает меню.

– Да, – отвечает юноша.

Он, на секунду задумавшись, передает меню девушке.

– Нет, я не буду смотреть. Сладкий кофе со сливками и крекер есть? – интересуется она.

– Есть. – И любезная улыбка официанта в ответ.

– Хорошо. Тогда принесите, пожалуйста.

– А вы, что закажите? – спрашивает официант.

Молодой человек быстро пролистывает меню и произносит:

– Салат из курицы. И… – Он пробегает глазами по строчкам. – Кофе. Без сахара.

Официант, приняв заказ, уходит.

Парень и девушка снова молчат и разглядывают друг друга.

Она в серой футболке с абстрактным рисунком на груди, синие потертые джинсы, серые кроссовки. На спинке висят белая с красным бейсболка и черный свитер.

Он одет в льняные бежево-зеленые брюки, рыжие ботинки, такого же цвета ремень, черная футболка с надписью «MARCO MASINI».

– Не будем молчать? – спрашивает юноша.

– Да, пожалуй.

– Итак, мы определились. Алексей. А тебя все-таки как зовут?

– Алина.

– Замечательно. Разговор начался.

– Кстати, а почему ты на дискотеке подошел ко мне?

– Ага, вопрос с умыслом? – Он натянуто улыбается. – Просто захотелось.

– Так не бывает. И… – Девушка осматривается: нет ли лишних ушей, будто она сейчас готова поделиться с недавним знакомым чем-то интимным. – Я же не собиралась танцевать.

Алексей мгновение молчит, неопределенно пожимает плечами и спрашивает Алину:

– А если б я предложил потанцевать, что ты бы ответила?

– Сейчас не знаю. Может, отказала. Я не люблю танцевать.

– Странно… Для девушки.

– Ну а разве это танцы?

– Согласен.

Кажется, они боятся сболтнуть лишнего, опасаются сделать неверный шаг и разрушить затянувшуюся неопределенность.

– А что ты делал на дискотеке? – спрашивает Алина.

– В том-то и дело, что ничего.

– Маялся от безделья?

– Нет, не совсем. Так, случайно зашел. А вообще мне интереснее побродить ночью по городу. Знаешь, такое увлекательное время – ночь. Огни мелькают. Прохожие. Машины. Мне нравится. Что-то есть в этом… М-м… таинственное.

– Не боишься?

– Нет. Боюсь совсем другого.

– Чего?

– Ну, это так, бред один. Безудержная фантазия воспаленного мозга. Стоит ли говорить?

– Нет уж, раззадорил – рассказывай.

– Лезут в голову разные мысли, пока шляешься. Ну, например. Вот скрылось солнце, а люди продолжают жить. Настает утро, но светило не спешит подняться над горизонтом, на самом деле оно не взойдет никогда, и люди, потерявшие солнце, ничего не замечают. Они так погружены в свой маленький мирок, в свои заботы…

– Ну, это, действительно, страх и только. Дурные мысли. Каждое утро солнце всходит.

Официант принес заказ и вновь удалился.

Девушка отпила кофе.

– Все же ответь более определенно. Ты подошел ко мне на дискотеке, почему?

– Ты мне понравилась.

– Да? А рядом ведь стояли и другие девчонки, ты разве не заметил?

– Я понял намек. Хочешь, развею сомнения?

– Валяй.

– Ответь мне на вопрос, но только хорошо подумай. Что такое красота?

– Есть у меня старшая сестра. Вот она, я думаю, эталон красоты. А что красота вообще я, конечно, понимаю, но сказать словами не могу.

– Вот, – растягивая слово, произносит юноша.

– Что? В смысле? – Девушка пытается отыскать ответ в глазах Алексея. – То есть я забила себе голову всякой чепухой?

– Да. Ты не смогла дать определения и вспомнила свою сестру и сказала о ней, как об эталоне красоты, так?

– Ну…

– В этом случае ты приговорила ее, красоту, к расстрелу. Порой мне кажется, что люди сошли с ума. Они мерят красоту линейкой. Девяносто на шестьдесят на девяносто и определенный тип лица – вот это хорошо, но когда выбранные таким образом девушки собираются вместе, это полная безликость.

– Тебе бы книги писать.

– Думаешь? Лучше просто говорить.

– Все равно сильно сказано: «приговорить красоту к расстрелу». Так ты считаешь, что она не есть нечто внешнее?

– Посуди сама. Большинство красавец доживут до старости, и что же с ними будет?

– Превратятся в сухофрукты. – И Алина рассмеялась.

– Вот именно. Красота внутри человека. Она одухотворенная сущность, а не физическая оболочка. Красота внешняя – не главное, главное, чем ты отличаешься от других. Это куда важнее. Поэтому ты – красивая девушка, и чтобы там не говорили другие, не слушай. Ну, как? Я вызвал в тебе гордость? Самомнение возросло? – улыбаясь, спросил Алексей.

– Знаешь, если поверить в твою философию, то… Да.

Девушка взглянула на электронные часы, висевшие на стене.

– Скоро полночь, – произнесла она.

И слова зависли в воздухе. Они замерзают, как капля, падающая в ледяные объятия зимы. Слова становятся мертвыми и холодными.

Молодой человек следит за ее взглядом, обращенным в сторону.

– Представляешь, – говорит Алина. – Полночь. Скоро начнется отсчет новых суток. Время обнулено, но часы встанут на этой отметке и все. Больше никуда.

– Тогда часы просто сломались. И не провоцируй.

– Значит, ты уже не боишься, что солнце не взойдет?

– Ты рассказала мне о моем страхе, а я тебе объяснил красоту.

– И все в порядке?

– Да. И поскольку все в порядке, я хочу спросить: ты пойдешь домой?

– Нет, не хочется, а ты?

– Тоже.

– А к чему вопрос?

– Сейчас. Погоди.

Алексей смотрит на часы. Кажется, время остановилось. Заведение перестало быть живым существом. Разговоры умолкли, движения прекратились. Все замерло в зыбкой неопределенности. Искрится и сверкает жизнь, но она не видится от этого настоящей, подвижной и живой. Все искусственно. Эти люди за столиками, дефилирующие официанты, человек за барной стойкой – это надумано, натянуто, неестественно. Отчуждение витает в воздухе. Кажется, каждый кусочек вселенной пропитан им. Человек, приходящий в кафе, будто случайно попадает в эту точку пространства. Он проходит в эти двери, оказываясь внутри. Так же случайно он исчезает, не оставляя следа в памяти людей.

Алексей продолжает смотреть на часы, потом переводит взгляд на девушку и произносит:

– Все в порядке. Одна минута первого. Новый день начался. Часы работают.

– Я даже не почувствовала. Так к чему был задан вопрос?

– Предлагаю прогуляться. Кстати, а для чего тебе чувствовать время?

– Просто, чтобы знать, а то все дни похожи.

– Можно придумать свой отсчет времени, не по циферблату, а по важным событиям.

– Ну, тогда у меня время стоит.

– Не поверю. Все равно есть же важные даты?

– Не знаю. Не помню. Какие-то события происходили, но они словно растворились. Мне кажется, что я плыву по реке времени. Она течет прямо, без изгибов, и все вокруг одинаково, поэтому сложно понять, сколько прошло времени.

Алексей оставляет реплику без ответа. Он смотрит, как Алина допивает кофе и доедает крекер.

Они молчат. Действительно наступил новый день. Незаметно. Исподволь. Только сейчас это не имеет никакого значения.

Город похож на оживший рекламный плакат. Он движется и светится, но ничего не происходит. Все стоит на месте.

Алексей произносит:

– Пойдем?

– Это приглашение на свидание?

– Да.

– Куда, например?

– Хотя бы в парк.

Алина соглашается, надевает бейсболку, накидывает на плечи черный свитер, завязывая его рукава узлом на груди. Молодой человек расплачивается за скромный ужин.

01:09

Уже настает второй час ночи, когда они оказываются в парке. Он старый и заросший, со своими вековыми деревьями, неухоженными кустарниками и разнотравьем. Серые ленты дорожек произвольно петляют. Скудное освещение создает впечатление заброшенности. Воздух свежий и прохладный. Пахнет прелой землей и зеленью.

Алина и Алексей идут по тротуару. Не сговариваясь, они направляются к скамейке и садятся. Это место в парке освещено тусклым фонарем. Он бросает жидкий сноп белого света. Кружит мошкара и ночные бабочки.

– Послушай, – начинает Алексей. – Расскажи о себе.

– Это, наверно, будет не интересно. Вот ты бы стал рассказывать о себе?

– Ну, если б попросили, то в общих чертах.

– Мне кажется, что жизнь посторонних людей намного увлекательней, чем своя собственная. Какой смысл ее рассказывать?

– Можно придумать невероятную историю.

– Нет, я так не могу, а ты?

– О, я бы наплел что, на самом деле я путешествую во времени.

– А для чего бы ты врал?

– Просто…

– Хорошо. Итак, ты – путешественник во времени. Зачем ты это делаешь?

– Я неважно учил историю в школе, а протирать штаны за партой меня обламывает. Вот и путешествую.

– На машине времени?

– Нет. Я открываю двери и попадаю туда, куда нужно.

– Интересный получился бы разговор.

Они на мгновение замолкают, но потом Алина произносит:

– А все-таки мы с сестрой разные.

– В каком смысле?

– Если бы ты оказался путешественником во времени и предложил мне пойти с тобой, например, в прошлое, то я бы согласилась.

– И тебя здесь ничего не держит?

– Нет. А вот моя сестра осталась бы.

– Она что, не любит путешествовать во времени? – спросил Алексей шутя.

– Она бы не поверила тебе! – С укором восклицает девушка, словно ее собеседник не понимает очевидных истин. – Хотя ей, возможно, до лампочки такие приключения.

– Тем вы с сестрой и отличаетесь?

– Да.

– А чем она занимается?

– Сначала училась в школе и подрабатывала моделью, наверно, и сейчас тоже.

Алина замолкает. Она не хочет рассказывать о сестре и меняет тему:

– Родители объясняли мне: красивой быть не пришлось, так хотя бы учись, может, что и выйдет. Училась я хорошо. Самой приятно получать «пятерки» и «четверки», но по вечерам лезут в голову дурацкие мысли. Смешно и стыдно потом становится. Вот думаю, ну, я закончу школу. Затем куда-нибудь поступлю, а дальше? Иногда кажется, тебе это нафиг сдалось. А что необходимо? – Не пойму. Будто стою на перепутье, и дует холодный ветер. Знаю, спрятаться надо, а куда? И каждый раз приходят беспокойные мысли. Понимаешь?

– Угу.

– В общем, у меня с сестрой не заладилось. Кстати, она в школе училась хорошо, в институт поступила. Вот и все.

Кто-то зашуршал под скамейкой. Затем чихнул. Мурлыкнул. И вот на свет вылез белоснежный кот.

– Кс, кс, кс, иди сюда, – поманила Алина.

Кот запрыгнул на скамейку и сказал: «Мррр».

– Есть хочешь?

– Мррр, – ответил кот.

Он начал прохаживаться по скамейке и тереться то о девушку, то о парня, заглядывая с любопытством в их лица, будто говоря: «Давненько я не встречал людей в парке в это темное время. Каким ветром вас сюда занесло?»

– Кс, кс, кс.

– Мррр? – спросил кот.

Алина достала из кармана шоколадные вафли в бумажной обертке.

– Он это есть будет? – спрашивает девушка.

– Будет, если голоден, – отвечает Алексей.

Девушка осторожно снимает обертку. Хрустящий звук привлекает кота. Уши животного навострились, и он стал водить носом. Алина крошит лакомство, высыпая его на ладонь, и подносит коту. Он начинает есть. Парень и девушка молчат. Они смотрят на кота. Сейчас самое интересное в мире – поедание котом вафель.

Мы наблюдаем за сидящими. Ненадолго ослабляем внимание, ибо ничего не может произойти и потревожить эту тишину, кроме аппетитного хруста.

Кот доел вафли. Он некоторое время бегает по сидению, ластится к людям, потом прыгает на спинку скамейки и удобно располагается. Животное подбирает лапы, закрывается пушистым хвостом. Глаза его зажмуриваются. Он хрунит.

– Может, пойдем? – спрашивает парень, не отрывая взгляда от кота.

– Домой хочешь?

– Да, я бы отправился к себе.

– Тогда вперед. По пути расскажешь.

– О чем?

– О себе.

– Стоит ли?

– Почему бы и нет.

– Слушал твою историю и сделал вывод: мой рассказ будет такой же. Школа. Институт. Да, и вспоминаются не те знания, которые я получил, а веселое время с друзьями из группы.

Алина и Алексей встают. Кот открывает глаза и внимательно рассматривает людей. Они уходят. Животное спрыгивает со скамейки и следует за ними.

Алина и Алексей приближаются к выходу из парка. Белоснежный кот бежит за людьми. Через пару минут он скрывается в кустах.

– А ты чем занимаешься? – спрашивает девушка.

– Если не считать того, что работаю, то ничем.

Они снова идут молча.

А в это время, не зная отдыха, по коммуникациям города бешено неслась информация. Она различна. Это телефонные разговоры, телевизионные сигналы круглосуточных программ, позывные вечно не спящих FM-радиостанций, переговоры. В темное время суток их меньше. Когда всходит солнце, плотность передачи информации возрастает, а ночью она опять идет на убыль. День и ночь. Ночь и день. Это похоже на морские приливы и отливы. Информация появляется, словно из ниоткуда и растворяется. Чем ближе человек к человеку,

чем плотнее люди живут друг к другу, тем сильнее чувствуешь опустошенность. Потоки информации лишь заполняют городской вакуум.

Алина и Алексей проходят по тротуару. Они на окраине мегаполиса, где живет молодой человек.

02:56

Они почти теряются среди домов. Мы обгоняем их, словно зная, куда направятся они. Поднимаемся вверх и смотрим на те улицы, где им предстоит пройти. Мы парим.

Итак, длинный тротуар. Вдоль него посажены кустарники. Тротуар пересекают множество дорожек, стремящихся к проспекту. Скоро юноша и девушка пройдут здесь, но мы двигаемся дальше. Наш взгляд скользит. Мы поворачиваем и оказываемся перед группой домов. В одном из них квартира Алексея. Он живет на пятом этаже. Мы парим вверх по балконам и оказываемся внутри.

Прихожая. Рядом с входной дверью на стене вешалка, на полу – обувь. Налево два прохода: один в большую кухню, а другой в спальню.

На кухне, слева – мойка, плита, низкий холодильник. На стенах висят шкафы. Потолок белый, на полу линолеум с абстрактным рисунком в виде бежевых клякс. Кухонная мебель цвета топленого молока. Справа лишь стол. Над ним полка, заставленная всевозможной мелочью.

В спальне мы видим большую кровать и книжный шкаф. Эти элементы интерьера кажутся нам неестественными, будто они гости здесь.

Мы снова стоим у входа. Пред нами три двери. Одна из них ведет в гостевую, две другие – в ванную с туалетом. В большой комнате расположились стенка, диван, телевизор и кресло. Здесь нет того, что выдает характер хозяина.

Есть еще один проход. Он справа от тех трех и ведет в комнату, где Алексей проводит большую часть времени. Обстановка более чем скромная. Вдоль одной стены расположились книжный шкаф и письменный стол. Они из темного дерева. Над последним висит полка. На столе – монитор, системный блок, клавиатура, подставка с карандашами, ручками и ластиками. Есть и другие непонятные предметы. У противоположной стены – разложенный диван-книжка и напольный торшер.

Происходит движение. Входная дверь открывается, молодой человек и девушка оказываются в квартире.

– Понятно, что ты работаешь, – говорит Алина. – Но по вечерам нужно все-таки что-то делать. Вечер ведь длинный.

– Да. Бываю на дискотеке, а то остаюсь дома, слушаю музыку или просто читаю. В общем, ничего интересного.

– Это, смотря, что читать.

– Если мне скучно, придумываю легенду.

– Это как? – удивляется девушка.

– Ну, я уже тебе говорил, что путешествую во времени.

– А ты странный, мне кажется.

Они снимают обувь и направляются в кухню. Парень открывает холодильник и достает две бутылки пива. Девушка заглядывает через плечо Алексея и обнаруживает, что холодильник пуст, почти пуст, если не считать еще двух бутылок.

– Ты чем питаешься?

– Святым духом и пивом.

– Нет, я серьезно.

– Просто сегодня я не ходил в магазин.

Они садятся за стол. Алексей брелком открывает бутылки. Девушка начинает вести непонятную игру.

– И для чего ты путешествуешь во времени? – спрашивает Алина.

Алексей не понимает к чему вопрос, но потом, вспомнив, говорит:

– Хм, ну, просто путешествую и все, духовная жажда. В общем, о таких вещах лучше не рассказывать. Я говорю лишь о легенде. Пусть она будет нерасшифрованной. Для чего рассуждать: почему, откуда, куда и как. Верно?

– Иначе смысл духовной жажды теряется?

– Точно.

Он отпивает из горлышка.

– И где ты был во времени? – спрашивает девушка.

– А ты все играешь?

– Я развиваю легенду.

– Ты тоже странная.

– Допустим, меня привлекает странность.

– Но это не всем людям нравится.

– Обычные люди боятся.

– А ты необычная?

– Хотелось бы так думать.

Теперь она делает глоток из бутылки. На короткое время воцаряется тишина.

– А если бы ты действительно мог попасть в прошлое, ты б его изменил? – спрашивает Алина.

– Нет. Я бы просто наблюдал.

– Ради чего?

– Чтобы запомнить и все записать, чтобы рассказать людям о прошлом.

– А куда бы ты отправился в первую очередь?

– В Палестину, когда жил Христос.

– И ничего бы не изменил?

– Нет. А откуда мне знать, как должно.

Они снова молчат и пьют. Когда пиво заканчивается, девушка встает и открывает холодильник.

– Непривычно? – спрашивает Алексей.

– Да. Хотелось бы заполнить пустоту.

– Что ж поделаешь.

– Я видела тут рядом с домом круглосуточный магазин. Мог бы купить кое-чего.

– Завтра.

– Пойдем сейчас. Деньги есть?

– Есть.

Квартира вновь погружается в тишину, когда люди покидают ее. Она становится бесприютной. В мгновение этот клочок пространства оказывается забытым на краю вселенной. На кухне также как и до прихода молодого человека и девушки. Изменения мы видим только у стола. Рядом с ним, на табурете лежит свитер Алины. Он еще хранит ее тепло. Две бутылки. В воздухе чувствуется запах пива.

Сколько времени проходит, неизвестно. Квартира вновь оживает. Они возвращаются из магазина. Тишина уползает в потаенные щели, и тьма уходит. Квартира рада, что жизнь вновь теплится в ней.

– Я сейчас приготовлю, – говорит девушка.

Они проходят на кухню.

– Ты есть хочешь? – спрашивает она.

– Не сильно, но съел бы…

– В магазине хило, так что королевский ужин не обещаю.

Она загораживает занавески и включает свет на кухне, ставит бутылки на пол рядом с мусорным ведром. На столе остаются два помидора, три яйца и сыр.

– Я яичницу буду делать.

– Пожалуйста.

– Ничего, что я у тебя хозяйничаю?

– Не возражаю.

Она ставит на зажженную конфорку сковороду, наливает в нее подсолнечного масла, режет помидоры, сыр, размешивает в чашке яйца.

Он разглядывает ее и не верит глазам. У Алексея возникает вопрос: «Что Алина делает в моей квартире?» Девушка совершенно чужая и ему ничем не обязана.

Наконец, яичница готова. Он достает из ящика две вилки, одну подает Алине. Юноша отрезает небольшой кусок от яичницы и съедает.

– Как? – спрашивает девушка.

– Ничего. Хорошо. Жизнь налаживается.

Они снова молчат. Она ест, а Алексей мысленно возвращается к своему вопросу, рассматривая Алину. Она, поймав его взгляд, спрашивает:

– Что случилось?

– Все в порядке.

– О чем думаешь?

– Да так, ерунда, – отвечает Алексей, но после паузы: – Тебе не кажется, что мы странно познакомились?

Алина задумывается. Она в недоумении. Девушка вспоминает, как встретилась с ним.

– Нет, не кажется. Самое обыкновенное знакомство.

– Да, пожалуй, ты права.

– Считаю, что судьбоносность какой-либо встречи нельзя предугадать. Ты не знаешь важно для тебя это событие или нет в момент его свершения. Только со временем поймешь это.

– Хочешь сказать, что не следует придавать значения?

– Не совсем. Знакомство есть знакомство, но вот каков будет итог… Думаю, что со временем я отведу нашей встречи подобающее место в памяти.

– Интересная точка зрения.

– Просто так я решила.

– Ты не веришь в любовь с первого взгляда?

– Нет, а ты?

– Скажем так, у меня ее не было.

– С первого взгляда человек может понравиться, но это не любовь.

– А судьба?

– Что судьба?

– Веришь в судьбу?

– Ну, а что это такое?

Вопрос зависает в воздухе.

Что такое судьба?

Где-то во временной перспективе существуют узловые события, которых не избежать, но то, что между ними, заполняет человек.

Что такое судьба?

Она – смерч, в который попадаем мы, но неизменно выходим живыми? А может, судьба человека – всего лишь точка соприкосновения добра и зла? И только в ней, как в малой вселенной в пространстве и во времени совершается борьба двух начал, и все изломы судьбы являются равнодействующей этого противостояния?

Вопросы зависают в воздухе. Что будет дальше? Настанет ли новый день? Есть ли будущее? Взойдет ли снова солнце?

Кружится земной шар, летит галактика, пронизанная космическим холодом, но, как и миллионы лет всегда разумное существо ставит одни и те же вопросы перед собой. Пытается найти ответы.

Круговорот жизни.

Вечный двигатель.

03:24

Мы на краю города. Людей на улицах нет. Иногда проедет машина. В домах погас свет. Это видно с высоты пятиэтажного дома. Юноша и девушка вышли на балкон.

– Что завтра будешь делать? – спрашивает она.

– Не знаю. Может, встретимся завтра? – говорит Алексей.

– Оно уже наступило, сейчас четвертый час.

– Ну, я имею в виду днем. Сестра, кстати, ничего не скажет, где ты пропадала ночью?

– Она считает, раз я совершеннолетняя, то сама за себя отвечаю, но я не понимаю, что такое совершеннолетие. Почему до – нельзя, а после – можно? У каждого из нас должно быть свое совершеннолетие.

Они пару секунд молчат.

– Ну, мы встретимся завтра? – спрашивает Алексей.

– Конечно. Позвонишь?

– Да. Я сейчас.

Алексей покидает балкон, идет в свою комнату, пишет на вырванном из блокнота листе два номера: домашний и сотовый. Молодой человек возвращается к девушке.

– Держи.

– Обязательно позвоню. – Алина кладет бумагу в карман джинсов.

– В выходные я буду дома.

Они снова замолкают. Кажется, что все, о чем можно говорить, уже сказано. Он пытается понять, каким образом человеческие судьбы пересекаются. Всплывают вопросы: «Как события становятся историей? Она – набор последовательных закономерностей, или калейдоскоп случайностей?» Но что-то преграждает путь к пониманию.

Он снова рассматривает девушку. «Мы встретились, а если б этого не случилось?» – думает Алексей и понимает, что той жизни, где нет Алины, больше не существует.

– Опять о странности нашей встречи размышляешь? – спрашивает она.

– Да.

– Не думай об этом, все просто. Мы можем нафантазировать себе любое будущее. Придуманное будущее есть не более чем точка в геометрии.

– Не понял.

– Точку сможешь нарисовать?

– Конечно.

– Но в геометрии точка не имеет протяженности. Понятно?

– Да.

– Так что не забивай мозги. Древние тоже ломали головы о вымышленные преграды: существует ли то, чего нет? А оказалось все это игрой ума.

Чем глубже становилась ночь, тем явственней они осознают, что их разговор отрывается от земного бытия. Может, следовало бы молчать и слушать тишину? Иногда странные вещи творятся в ночное время. Призраки иных миров воскресают. Они легкими видениями стремятся сюда. Юноше и девушке привиделась…

Легенда о…

Взошло солнце, но людей в городе не оказалось. Опустели улицы, дома, парки. Лучи золотили пластик, бетон, стекла. Казалось, они, посылаемые вечным светилом, лишь беспомощно стучались о бездушные двери, разбиваясь о холодные пороги. Люди покинули мегаполис. Но в нем остались два человека: он и она, не ведающие друг о друге. Юноша

и девушка жили на разных концах мегаполиса, как на разных концах вселенной. Они увидели, что город опустел. Чужие квартиры открыты. Им показалось, что в них можно уловить запахи приготовленной пищи. Будто люди, позавтракав, покинули город, оставив все на своих местах. Машины, автобусы, троллейбусы, метро стояли. Два оставшихся жителя, раздавленные отчаянием, ходили по безмолвному городу. Они вернулись домой, и стали собираться. Молодой человек и девушка решили идти на вокзал. А затем по рельсам шагать, куда ляжет путь, ибо та напряженность, разлитая везде, угнетала душу и гнала прочь. Они, идя разными дорогами, познакомились на вокзале, понравились друг другу и подумали «Может, нам удастся преодолеть одиночество?» Они остались в городе.

– Спать не хочешь? – спросил Алексей.

– Я бы вздремнула.

– Ну, располагайся, а я пойду к себе.

Они уходят с балкона. Он направляется в свою комнату, а она – в спальню. Молодой человек и девушка засыпают.

В комнате ничего не происходит, но мир продолжает свое движение. Что значат для него эти души, затерянные во вселенной?

Нахождение их в данной точке пространства и времени важно для истории и всего человечества. Ибо не существует отдельно взятой личности в отрыве от живого потока вселенной. Нам, на первый взгляд, может только казаться, что они обособлены от всех в этой квартире и потеряли понимание своей роли. Когда личность совершает малое действие, оно изменяет ход событий. Камень, брошенный в реку, создает большое волнение у берегов. Мы можем назвать данное событие историей, но оно лишь отражение вселенской мистерии.

04:18

Наше повествование заканчивается. Начинается другое, где они вместе.

Алексей вынес из этой ночи запах ее волос, тепло и нежность кожи, и все это будто из далекого детства, где любят и рады тебе всегда.

Сейчас темное время уже позади. Скоро рассвет. Они лежат вместе и не спят. Девушка задает вопрос:

– Помнишь о страхе, что солнце однажды не появится?

– Помню.

– Я развеяла твой страх, а теперь скажи: солнце сегодня взойдет?

Алексей смотрит в сторону окна. Неуверенный свет пробивается сквозь него.

Иногда слышатся робкие голоса птиц, встречающие первые лучи. Все будто застыло в ожидании солнца.

– Думаю, что светило сегодня поднимется над горизонтом.

Алина и Алексей молчат. Они не замечают, как погружаются в сон.

…

Он открыл глаза. Ее рядом нет. Алексей встал с кровати и спросил сам себя: «Случилось ли это на самом деле? Была ли Алина? Или это сон?» Пройдя в одних трусах на кухню, он открыл холодильник. Там увидел ее след: продукты. Затем боковым зрением молодой человек заметил что-то черное, лежащее на табурете. Это свитер Алины. Значит, она точно была.

Ее одежда беспомощно лежит, свесив рукав. Но молодой человек почему-то в недоумении. Он завороженным взглядом рассматривает предмет на табурете. Алексей прикасается к свитеру, словно желая убедиться, что он существует. В это время звонит телефон. Он отправился в спальню.

– Да, – говорит Алексей, разглядывая смятую кровать.

– Привет, это я, узнал?

– Конечно.

– Я не разбудила?

– Нет.

– Прости, я забыла у тебя свитер.

– Это хорошо, что ты его забыла.

– Я тоже так считаю. Ну, я зайду?

– Да, конечно.

Щелчок – она положили трубку.

Алексей возвращается на кухню, и внимание вновь приковывает свитер. Он понимает, жизнь та, которая могла бы быть, уже кончилась и начинается новая история. Странное ощущение завладевает им. Кажется, творец, который свел их вместе, теперь доволен произошедшим. Он уходит на покой. Это все проясняет свитер.

Молодой человек продолжает смотреть на него, затем переводит взгляд в окно. Уже давно рассвело. Новый день и жизнь с чистого листа начали отсчет.

23 августа – 4 сентября 2005 года.

Елеазар

Аннотация: Однажды великий мудрец увидел заходящее светило и так сказал ему: «Чтобы обогнать тебя, не нужно бежать за тобой, а нужно идти в противоположную сторону от тебя, так мысли мои, они вопреки солнцу, но первыми встречают рассвет новой жизни».

1

И жил я в доме, и вокруг него произрастал сад. Он окольцовывал жилище, и был прекрасен. Сад благоухал цветами, их имелось великолепное множество, росли там и деревья высокие. Они приносили плоды, которых висело бесчисленно, и сладкими они на вкус были. Так жил я в доме и наслаждался красотой сада и умиротворением.

Однажды ушел за границы сада и дома. Отсутствовал недолго. И на улице, что за садом, встретил человека. Был он наг и голоден. Тогда сказал ему: принесу тебе хлеб и одежду из дома моего, и не будешь ты наг и голоден. Ответил он: зачем мне твой хлеб и одежда, разве утолю голод хлебом, разве спасет от холода одеяние твое. Отступил я от него, ибо не понял тогда речей человека.

Когда ж вернулся в дом, то обратил взор на библиотеку, где множество рукописей. Начал читать их, ибо желал найти ответ на вопрос: почему так сказал тот человек. И вот, когда прочел последнюю рукопись из библиотеки, то собрал все написанное и сжег в саду. И слышал я треск листов, пламенем пожираемых, и шорох тщеты человеческой. Спрашивали меня отец и мать: зачем уничтожил рукописи? Ответил им: прочел последнюю рукопись из библиотеки и сжег все, ибо в них лишь вопросы одни, а ответов нет.

Говорил я в сердце своем: нет утешений в мудрости книжной, ибо там лишь слова одни, да и то не те. Суждено было жить в неведенье и не найти ответа на вопрос. Понял, что нет более покоя в жилище и в саду моем. Они являлись преградой между мной и миром. И вот ушел из дома и еще закрыл за собой дверь рукою правою, ибо был прав, ибо нет ничего для меня в доме моем.

И пошел по дороге в сторону леса и гор. Пошел туда, чтобы наслаждаться одиночеством, ибо истинно говорю вам: одиночество – плеть для души, и кто выдержит сию пытку, тот выдержит пытку иную. И вошел в лес, и он благоухал. Деревья приветствовали шепотом листьев. Птиц и ветров пенье – вот все, что я слышал. Идя по лесу, увидел человека. Собирал он шишки и желуди, что пали с деревьев и клал их к себе в суму. Увидел я также, что он наг и, похоже, голод снедал его. Сказал ему: хочу поделиться с тобой. И это была правда, ибо взял из дома еды и кое-что из одежды, сложив сие в казан. Молвил ему об этом. Он же ответствовал: не надо этого, и зачем мне еда и одежда из дома твоего, и зачем это тебе; если ты ушел из дома, то зачем держишься до сих пор за него?

И тогда открылись глаза, и узнал бродягу. Это его встретил я на улице, что за садом моим. Тогда бросил одежду и еду, ибо ничто не связывало меня с домом, и стал собирать шишки и желуди как он, складывая их в его туес. И я себе желудей набрал в казан. Спросил затем бродягу: отчего не принял тогда хлеба и одежды от меня? Ответил он: хлеб и одежда твои разожгли бы желания, поэтому и не принял их, а в лесу нет у меня желаний.

Когда же собрали мы достаточно желудей и шишек, сказал бродяга: теперь покинь меня, оставь одного. Я спросил: зачем? Он ответил: хочу быть в одиночестве и тебе советую быть в нем, но не ведаю, что ты найдешь в одиночестве своем. Так сказал он и удалился с глаз моих, и вот я один. Тогда направил стопы к горе, нашел у подножия два камня, что высекают огонь, собрал ветвей сухих для костра. А желуди высыпал и спрятал. С пустым казаном пошел к реке, чтоб зачерпнуть воды.

Когда был на берегу со стороны леса, я увидел мальчика на другом берегу, он тоже брал воду. Спросил его: откуда ты? Он ответил: из города. Тогда спросил я: что ты слышал нового в городе? Он ответил: слышал последнюю новость, сын богатых родителей сошел с ума и сжег библиотеку. Так вымолвил мальчик и рассмеялся. Хотел сказать ему, что этот сын – я, но промолчал, ибо догадался, что память меня соблазняет. И вот ушел мальчик, и мне настало время уходить к горе.

Разжег костер и в казане сварил себе желудевую кашу, и ел ее, и была она горькой. Но говорю вам сейчас, что истина – каша желудевая, ибо истина горька, а не сладка. Кто же хочет говорить красивые истины людям, тот желает льстить им. Я же пожиратель горьких истин. Но кто съест целый казан горькой истины, то у того будет горечь на языке, но станет сытым он, а более вкушать не захочет. Кто же поглощает сладкие истины, того память вкуса будет тревожить желанием вновь испытать чрево свое, и не сможет насытиться, и лопнет он.

2

Когда настала ночь, то заснул я, и мне пригрезилось. Видел, что сижу под дубом, а спиной облокотился о ствол, будто отдыхаю. Когда же пригляделся, то увидел себя спящим, а рядом лежал казан, а в нем были остатки желудевой каши. И подошел волк, и стал он смотреть на меня, и видел я все со стороны. Потом зверь уткнулся мордой в казан и вылизал остатки варева, и ушел в лес, и не появлялся боле.

Проснулся я, ибо руки и ноги не подчинялись, и увидел, что несут меня какие-то люди. Рассмотрел над собой кроны деревьев. Лес становился глуше. Долго тащили незнакомые люди, пока не услышал голоса человеческие, и было их много. Наконец оставили меня в покое, и посадили в шатер на волчьи шкуры. Передо мной появился человек вида разбойничьего, а оказался он атаманом лесной братии. И вот он перед очами моими. Смотрел и безмолвствовал головорез, одевшись в шкуру волчью, и тут вспомнил я сон.

Говорил мне атаман: ты ли тот, кто мне нужен? Я спрашивал его: кого ищешь ты? Он отвечал: нужен мне мудрец один, легких слов хочу от него внимать. Нет, я – не он, но тот мудрец был в тех местах, где меня нашли, сам же я недавно в лесу – так ему отвечал. И еще спросил атамана: зачем он тебе, если ты найдешь его? Он ответил: хочу мудрых слов от него. И вспомнил я сон про волка и смекнул, что он, лизавший казан, теперь предо мною. Хотел волк истин наесться, думал волк, что сладки остатки желудевой каши, но это не так. Истинно говорю я вам, есть люди, что хотят приобщиться к знанию, но горечь испытать малую и говорить при этом, указывая на себя: вот я, и я познал истину. Но кто не съел казан истины, тот не ведал ни ее, ни знания, ни познания, ибо они есть скорбь.

И жил я какое-то время у разбойников, но вот однажды напала на нас княжеские солдаты. Ловили атамана, но тот ушел со своей братией в лес глухой, а меня бросили, затем поймали, и был приведен я перед лицом князя. Когда увидел меня он, сказал воинам: отпустите, развяжите руки, ибо это не разбойник. И сделали они так. Спросил князь: кто ты? Отвечал ему: отшельник, а в стан разбойников попал случайно. Он говорил: не желаешь ли ты жить у меня и говорить мудрости? Я отвечал: нет мне причин тебе отказывать, но лучше отпусти. Отпущу, но позже, говорил князь. И вновь вспомнил сон, и понял – между атаманом и князем нет различий. Все они хотели мудрости быстрой.

3

И вот двинулась в путь свита княжеская и я с ней. Мы вошли в город, и оказались во дворце богатом. Ходил я по нему и все осматривал, а князь наблюдал за мной и думал, что удивлен я, но я сам ушел из подобного дома. Спрашивал князь: нравится тебе дом мой? Говорил ему: дом твой прекрасен, а смысла нет. Хочешь, оставайся и живи здесь, говорил князь. Отвечал ему: нет, зачем мне дом сахарный? Спросил тогда он: что значит дом сахарный? И я говорил многое. Дом твой – сахарный, ибо пойдет ливень и растает он. Желаешь ты скрыться в нем от напастей и от мира сего, но придет тот, кто скажет, что это мой дом, выметайся! Ни камень, ни глина, ни железо – ничто не вечно, расстанься с домом. Ушел я из дома своего и еще дверь захлопнул рукою, и стал свободен, ибо за спиной – никого, никто не смотрит в след.

Посмотри на раба своего, вот он выше тебя, ибо за спиной его только ноша, да и то чужая. Он ничего не имеет, но желает оков. Верю, придут люди и скажут рабу твоему: иди за мной и обретешь свободу, иди за мной и иметь будешь то, что хозяин твой. И раб в слепоте взалкает, и будет думать, что он свободен, ибо не знает другого пути к свободе, а то, что он имеет – оковы его.

Говорил я, а князь слушал меня и хмурил веки. Затем сказал он: что ж, Елеазар, тогда ты свободен, можешь уйти из дома моего, когда захочешь. И после слов князя ушел я из дворца и не держал ни зла, ни добра на князя, и сердце мое было легким как облако. Истинно вам говорю, что видел я в княжеском доме мириады желаний застывших, и видел, как по ночам желания терзают князя, когда он спит. Не хотел я быть растерзанным желаниями, и не спал в доме княжеском.

Вот покинул я дом княжеский, шел по площади и увидел храм. Увидел, что люди приносят жертвы к нему, а также подаяния жрецам. Тогда я приблизился к ступеням храма, и заметил на них множество нищих и юродивых и проследовал мимо них внутрь, но жрец остановил словами: где подаяние твое богу нашему? Ответил жрецу: я прячу его, ибо слишком блестит на солнце оно. И пропустили меня. Вот прошел в храм к месту, где клали подаяния, и увидел я кумир – два камня кремневых, что высекают огонь. Они убрались бы в руку. Тогда забрал камни сии, и вышел на ступени храма.

Один из них я положил в левую руку, другой – в правую. Поднял камни над головой. Все увидели их в руках и пали передо мной. Я же говорил им.

Вот бог ваш, вот кому люди поклонялись много лет, вот я вынес на свет то, что скрывалось в полутьме храма. Смотрите, это бог ваш, я держу его за чресла. Зачем бездушные камни? Зачем храмы, куда вы загнали бога? Что ему камень храма? Неужели нет бога в сердце вашем? Уберите храм, ибо он единственное препятствие на пути к богу. Люди выгнали его из сердца и перестали быть богами. Вы думали, что так облегчите сердце? Но оно отяжелело. Когда-то религия окрыляла сердца, но почему не так сейчас? Вы смотрите за обрядом и за традицией и думаете в этом бог? Но нет его в храме вашем. Вы с бычьим, тяжелым сердцем лезете в гору, а нужно идти. Так заберите подаяния и отправляйтесь домой, ибо выгода от них только жрецам, а бог ваш бестелесен. Истинно говорю вам, придите в мир и облегчайте сердца свои и чужие.

Так говорил я, а юродивые возопили ко мне: он! Жрецы схватили меня, и повели на суд.

И еще одно здание было, и судили люди именем бога своего, но истинно вам говорю я, что бог не судит нас и не наказывает, ибо, что это за бог, если он не справедлив. Тот, кто судит, тот не справедлив, тот хочет играть в бога, но не ведает он, в какого бога одевается.

И вот я на суде, и было множество народу знатного и не знатного. Говорили они щедро, но встал жрец и поднял руку и все замолкли. Сказал жрец: вот хулитель бога нашего, призы-

вал он разрушить храм, так ли? Нет, говорил я, храм в сердце уничтожить нельзя. Не уходи от ответа, говорил жрец, я сам слышал, как ты говорил, что нужно убрать наш храм. Отвечал я ему: храм из камня, а камень всегда отбрасывает тень, он загораживает солнце – вот, что я желал сказать, я не претендую на храм, ибо он ваш, а не бога. Хулитель, – возопила толпа.

Жрец поднял руку, и толпа замолчала. И тут вышел к народу князь. Он стал говорить: знаю я этого безумца, зовут Елеазаром, он был в доме моем и говорил, но ничего связанного не сказал; тогда отпустил я Елеазара; но свидетельствую вам, что нет смысла в словах его, ибо он – юродивый, вспомните, как кричали они; это юродивые признали в нем своего. И люди соглашались с речью князя. Жрец говорил: не думаешь ли ты, князь, что Елеазар безвреден для нас, ведь тот, кто не приносит пользу, тот вреден и наказание ему назначу я. И люди соглашались с речью его.

Так металась умом своим толпа от князя к жрецу и обратно. Тогда произнес князь: изгоните Елеазара из города и это будет справедливым. Жрец отвечал: что ж, пусть будет так; Елеазар, виновен ты и приказываем тебе покинуть город до заката, если не исполнишь, то ждет тебя смерть. И народ согласился с этим.

И опустел зал, и развязали меня жрецы, и было молчание в чертоге суда. Покинул я строение сие и заметил, что солнце прошло зенит.

4

И был я на торговой площади, видел народу великое множество. Еще видел дитя, которое обижали, но тут подошла женщина, что матерью ему была и прогнала обидчиков, и прижала дитя к себе. Говорил я ей: не печалься, ибо мир не столь добр к вновь пришедшему. Ответила женщина в сердце своем: пусть погибнет мир, но дитя мое будет жить. Я же сказал: но если мир погибнет, то где жить будет дитя твое? Она произнесла: сама мир создам такой, чтобы ему можно было жить. И понял я глупость речей своих и отошел от женщины, и сказал в сердце своем: ты – женщина, и это суть твоя.

И еще там было множество юношей, они слушали разговор мой с той женщиной и смеялись, и подшучивали: не говори с ним, ибо он безумен, да и что он может знать о любви. Я же спросил тех юношей: а, вы, знаете любовь? Они ответствовали: что нам в любви? Так говорили они и смеялись, а потом ушли.

Я же говорил в сердце своем сам себе: что вам в любви? Зачем так богохульствовать? Никогда не спрашивайте, но любите. Я глаголю вам: любите; ты женщина, и ты мужчина, что вы хотите друг от друга? Но не думайте об этом. Я говорю вам: любите. Ибо встречал мужчин и женщин, и дивились глаза, и смущался ум, ибо не видел я мужчину и женщину, но видел существо единое. Думал, что глаза меня обмануть хотят, думал, что ум мне изменил. Видел я двоих, но не мог разделить их, ибо каждый был продолжением другого. И если спросили бы: где центр мира, то ответствовал: он ровно посередине находится между мужчиной и женщиной.

Когда солнце коснулось линии горизонта, но еще не ушло за него, то покинул я стены города. Шел я мимо хижин крестьянских, и вот решил отдохнуть. Тут был и крестьянин и признал он меня, и говорил: ты – Елеазар, и слух мой наслышан о тебе, и думаю, что не безумец ты, а великий мудрец. Говорил ему: что мне в меде фраз твоих, они не приближают к богу, но скажу тебе: не превращай меня в камень. Удивился крестьянин: разве я волшебник, чтоб превращать людей в камни? Спросил я тогда: был ли ты в храме? И он говорил: да. Видел ли ты камни в руках моих? Отвечал он: да. Тогда сказал: вот не желаю быть богом, пусть даже и из камня, но глаголю тебе: если ты камень и бог, то изгоню тебя с глаз, чтоб ты пылал в сердце моем, и разрушу кумир твой. Так я говорил крестьянину.

Он же вопрошал: устал от жизни, и вижу зло вокруг, что делать? Я говорил: если в мире только зло одно, то делай добро из зла, ибо его уже не из чего делать. После слов сих покинул меня крестьянин, и задремал я.

Мне приснился сон: перед очами предстал волк с седой шерстью и говорил красноречиво: Елеазар, вот ты, и ты мой, ибо братья мы. Ты кровь от крови моей, и плоть от плоти моей, иди же за мной. Но отвечал ему, что я не кровь от крови твоей и не плоть от плоти твоей, ибо мы разные. Ты – мое искушение, но не прогоню тебя, сам ты уйдешь. Так говорил я волку с седой шерстью, но он не уходил. Видел, как вращал он головой, не желая покидать меня, как волос шерсти его был длинен и закрывал уши. Подумал я, что не слышит он. Тогда обнял руками волчью голову и шепнул ему прямо туда, в его спутанные волосы: ты одинок, ибо не любишь людей, а я одинок, ибо люблю их. Услышав это, замотал волк головой, вырвал ее из рук моих и отошел.

Тогда очнулся я ото сна светлым и чистым как лучезарное солнце и пошел дальше, прочь от города.

5

Покинул я город, и вернулся к тому месту, где взяли меня разбойники. Отыскал свой казан и пошел на холм, и развел костер. Ночь же была тиха, а небо шатром своим склонялось, и видел я кружение звезд, и слышал шум трав. Тогда сел перед костром и закрыл глаза. Слушал я, как огонь пожирает ветки, но вот обратилось зренье мое.

Не открывая глаз, смотрел на те же звезды, но нет, это другие звезды. Видел темный шатер неба, но нет, был это другой шатер, ибо все это находилось в сердце моем, весь мир, что вокруг, жил внутри. И сердце плясало от радости, и нет ни звезд, ни неба, ушли они. Все прошло сквозь сердце, весь мир в нем, но легко стало на душе.

Тогда встал я и почувствовал легкость, и говорил сам себе: это воздушность моя, и кто хочет быть невесомым, пусть отрывает ноги от земли, выше ноги от земли.

И начал танцевать.

Чувствовал я степного волка в сердце, одинокого, но единого с миром этим. Алый бутон костра плясал вместе со мной. И вот, когда ритмы пламени, мира этого и сердца моего слились в монолит, то оглушен был я. Ни звуков ночных – ничего – все отошло. Слышал дух музыки и вверялся ему. Что за мелодия у ночного мира? Откуда мне знать, но прошла она сквозь сердце в разум и завладела ногами. Кружился и плясал я, а надо мной танцующий бог этого мира из колдовства являл вселенную свою.

Вот слышал:

Один, ночь опустилась на мир!
Два, великий ночной господин пришел в сердце твое!
Три, Елеазар, ты – степной волк!
Четыре, бутон огня сердце твое!
Пять, звезды в небе зажглись!
Шесть, млечный путь – река молока!
Семь, танцуй, Елеазар!
Восемь, слушай сердце мое!
Девять, новый день – новый бог!
Десять, все – новое возрожденье!
Одиннадцать, Я – любовь для тебя!
Двенадцать, Я – танцующий бог!

Так дошел счет до двенадцати и видел, что полночь опустилась на мир сей, понял, что танцевал я много часов. Затихла музыка в сердце, и чувствовал усталость в ногах, но не было для души моей бессилия. Тогда присел я перед костром, и глядел на него и созерцал суть его. Костер все еще танцевал. Удивился, ибо не знал, кто бросал ветки в огонь, чтоб он не погас. Так заворожен был я.

И было явлено второе видение. Зола и уголь, уголь и зола холодны будто лед, ибо дух вышел из них. Тогда свершилось первое подношение богу. И слышал я голос, вещавший мне: смотри, камни, высекающие искры огня в руках твоих, эти камни – первое подношение богу. Наносил я травы сухой и хворосту, и веток, и зажег огонь, ибо ночь была холодна и беспредельна. И слышен голос:

Смотри, Бог, это первый кумир тебе.
Смотри, вот горит огонь во славу твою.
Смотри, это ты живешь в языках пламени.

Гори, не угасай, ибо ты вечен, костер.
Гори, ибо ты подобен этому миру.
Пляши на ветках сухих.
Сжигай эти ветки сухие,
Ибо смысл мира в огне.
Ветки пылают, но не сгорают.
Ветки горят, но угли тлеют,
Стынут угли твои.
Угли зароем мы в землю.
Угли в земле не теряют силы своей,
Ибо из земли растут деревья,
Новые деревья растут из земли.
Они станут ветками костра твоего.
Так пляши, гори, мерцай и радуйся,
Ибо ты вечен, огонь.

6

Так было явлено второе видение. И стоял я на вершине холма, и начал возноситься в небесный эфир, и зрение ширилось, и третье видение в эту божественную ночь спустилось ко мне.

И в видении узрел степного волка, и говорил он, но слух уловил лишь тот дух музыки, вечно витавший в мире. И, наконец, я слышал песню степного волка:

Слушай то, что я скажу,
Слушай то, что скажу я тебе.
Будет это слово мое
О вечном возвращении.
Говорю я к тебе:
Человек рождается и не знает он,
Что рождался уже.
Говорю я к тебе:
Человек живет и не знает он,
Что жил он уже.
Говорю я к тебе:
Человек умирает и не знает он,
Что умирал он уже.
Говорю я к тебе:
Огонь не рождается и не умирает,
Ибо вечен огонь.
Говорю я к тебе:
Человек не знает, что он – огонь,
Ибо он вечен.
Говорю я к тебе:
Человек рождается, а, значит,
Он уже умер где-то.
Говорю я к тебе:
Человек умирает, а, значит,
Он рождается где-то.
Говорю я к тебе:
Человек живет здесь, а, значит,
Он где-то жил, но там его нет.
Говорю я к тебе:
Человек – огонь мерцающий,
Ибо меркнет он здесь,
Чтобы вспыхнуть там.
Говорю я к тебе:
Читай для себя ты из слов моих,
Что не будет тебя здесь, но
Будешь ты в мире ином,
Ибо мы языки одного
Пламени, что мерцают во Вселенной.
Говорю я к тебе:
И так будет всегда, и тогда

Я к вам вернусь.
Говорю я к тебе:
Вот слова все мои
О вечном возвращении.
Говорю я к тебе:
Не говори, что не увижу я мир,
Но говори, что вернусь.
Говорю я к тебе:
Вот слова все мои
О вечном возвращении,
Прими же дар мой
Из моих мягких лап.

Так говорил степной волк, и я принял дар из его мягких лап, и слова были будто музыка в ушах, будто дух ее витал везде. Узрел я, что мириады звезды обратили взоры на меня, и обратили взоры на меня и луна, и солнце, что были сейчас за горизонтом. С тех самых пор были три видения: Танцующий бог, Вечный огонь, Степной волк.

Много странствовал я по миру, и был в городах, и в храмах многих. Храмы оказывались разными, но что-то общее в них имелось и, путешествуя, понял, что общего в них. Заходил в храм любой и слышал, что шаги гулко отдаются в сводах, и страх нападал, и хотел бежать из храма, но поборол я страх. Источник его был в том, что нет бога. Да, заходил я в храм и называл имя бога, но не являлся ответ, и говорил тогда в сердце своем: бог умер, ибо веха его прошла, но оказалась ложь в речах и в голове моей.

Не бог умер, а мы все умерли для него, ибо нет бога, и нет его в храмах ваших. И если был бы я строителем, то пришел бы к вам с киркою увесистой и разрушил храм. И не имелось бы в руках моих святотатства, ибо, что есть в камне холодном? – Ничего. Так и в храмах нет бога, он не умер, но его нет здесь. Чего ради беречь камень? Храм ваш – могила для бога.

Так понял я одинаковость храмов, которые строились на земле, и хотел проповедовать сие, но удержался, ибо многие и многие любят, чтобы лили им в уши теплый елей, а не кипящее масло. Вы, изнеженные ушки, готовы ли ожечься кипящим маслом речей? Но молчите, я знаю, какие слова вы зажали в зубах. Ничего я вам говорить не буду. Кто дрожит – прячется в тень, расступитесь непосвященные.

Тем же, кто решится на проповедь любую, вот слово к ним: бегите с базарных площадей, ибо нет вам смысла в проповедях на базаре, если и родились вы там. Нет Отечества у проповедников, но есть для него вечная дорога – так говорю я к вам.

Вижу в вашем взгляде жажду сказать новь, но остережемся впредь говорить ее сразу. Вернее быть с плющом ядовитым, чем на базаре тщеславия, ибо дух степного волка гонит меня по дорогам.

Вернее было бы уснуть сном вечным и видеть сны, и видеть мир этот как сон, но какие сны, если плоть примет могила и покровы чувств земных будут забыты, но дух вечен, ибо дух степного волка гонит меня по дорогам.

Так говорю я вам проповедующие: бегите с площадей базарных и идите по путям разным. Там, на дорогах, будете вы встречать людей и будите их, говорите им, проповедуя. Так говорю я жажде сказать новь, так говорю вам, желающие проповедовать.

7

И вот, в предутренний час сон, как победоносный воин явился и сразил меня. Спал глубоким сном без грез, но позже проснулся легким и душой и телом.

Пока же спал, костер потух. Словно цветок, закрывающий бутон свой, потух костер. Но я не замерз. Предутренний туман будто одеялом укрыл. И вот настал день. Солнце – высоко, в зените стояло оно. Так начинался мой полдень: с пробуждения.

Тогда огляделся и увидел, что на вершине горы спал я. Сказал в сердце своем: пожалуй, чудо посетило, пока спал, и не одно чудо было, а было их великое множество. Тогда назвал гору горой чудес, и жил на ее вершине долгое время.

Когда печаль одиночества заволакивала душу, я нес тело на гору чудес, и отпускала печаль.

Когда радость приходила в сердце, то нес я тело на гору чудес, и радость приносила облегчение.

Когда тело и душа хотели большего, то нес я их на гору чудес. И не знал: кто несет меня? Но уходило желание большего на горе чудес. Ибо слово «больше» происходит от слова «боль».

Кто жаждет больше, чем сам осилит, тот падает в бездну под тяжестью сей.

Когда проповедовать хотел я, то нес тело на гору чудес и там вещал, голос мой звенел и гремел, словно бурный поток воды.

Когда ненавидел я людей и себя, то нес тело на гору чудес, тогда смеялся над ненавистью смехом тихим и божественным.

Так много лет я ходил на гору, и являлась она горой для тела и равниной для души.

Только там обретал успокоение, как море находит блаженство свое в штиль после бури. Как гладь морская тогда была душа и отражала она небо.

Так душа любая, нашедшая успокоение, не прельщается штормами жизни более. Она блаженна, и небо в такой душе видится нами без искажений.

Однажды гулял я в лесу, что рядом с горой чудес и увидел озерцо. Одним прыжком одолеть можно его. Так встал перед ним и прыгнул, и оказался на том берегу. Одним духом и стопой преодолел. Озерцо было за спиной, я обернулся и увидел отражение свое.

Что же, я – бог, если смог перепрыгнуть озеро? Чтоб одолеть его, не шел по воде, но был над зыбью. Глянул на отражение и рассмеялся в лицо самому себе. Я – бог? – Нет. Я – человек.

Вопрошал сам себя: если есть человек, то есть ли не человек? И я ответил: да. Есть богочеловек. Но кто он?

Вы спросите меня: не ты ли есть богочеловек? Нет, не богочеловек я. Но тогда кто он? Сказал бы о себе: я – богочеловек, то рассмеялся над утверждением сим. Человек, говорящий, что он бог – есть детская забава. Смех и шутка, шутка и смех, пустая погремушка в руках ребенка.

Но вы вопрошаете: что есть богочеловек?

Смотрите, я учу вас о богочеловеке.

Богочеловек – есть лед и пламень. Лед разума и пламень души в нем.

Богочеловек – есть соль земли. Земля живет им.

Богочеловек – есть капля росы и солнце. Ибо он существует в обоих явлениях сразу.

Смотрите, я учу вас о богочеловеке.

Вы спросите: кто ты, Елеазар? Не обманщик ли? Не глумишься ли над душой? Кто ты?

Смотрите, я учу вас о богочеловеке.

Есть богочеловек, а я – тетива лука, что натягивает стрелу души к богочеловеку. Братья мои, будьте как натянутая тетива лука, устремляйте стрелу души вашей к богочеловеку.

Вот учу вас о богочеловеке.

8

Было время, когда путешествовал я. Однажды посетил город, именующийся Песочной Розой. До этого долго жил я вне поселений и не встречал людей. Думал, что они изменились. И вот, пошел на рыночную площадь, где собирается много народу. В середине ее стояло возвышение, и сидел на нем один богач, а рядом с ним танцевала гетера.

Народ смотрел на пляс ее и кидал монеты, и я смотрел, но была пуста мошна моя. И вот, поднялся я над толпой, взошел на возвышение и говорил гетере: зачем пляс твой?

Гетера отвечала: я танцую, а господину моему платят за это.

Я же говорил: между господом и господином нет связи, хотел бы я знать, для чего тебе этот танец? Не бог же заставляет тебя кружиться, как волчок? Не дергает он тебя, как марионетку за ниточки? Неужели хочешь услаждать взоры толпы? Искусство же твое не для черни.

Тогда вступил в разговор богач: что ты говоришь с ней, плати или покупай ее.

Нет, говорила гетера, позволь, господин, беседовать с ним.

Богач же отвечал: хорошо, говори с ним, но лучше б он зазвенел золотом, как денежный мешок, чем толок в ступе воду.

Толпа же, что собралась на рыночной площади, возликовала остроте богача. Кто-то крикнул из толпы: нечего слушать его, все святоши и мудрецы есть заправские лентяи!

Тогда так говорил в сердце своем: труд души называется у вас ленью.

О, говорила девушка, узнала тебя. Имя твое Елеазар. Хочу я задать вопрос. Ты многое знаешь, многое видел, но скажи, Елеазар, познал ли ты женщину?

Тогда так говорил гетере: я люблю женщин. Я люблю мужчин, что любят женщин, но я призираю мужчин тех, которые преклоняются перед женщиной. Я призираю женщин тех, что преклоняются перед мужчинами. Что есть женщина? Вопрос простой. Нет секретов. Беременность – вот символ женщины. У нее есть три глаза.

Первый глаз видит в мужчине любовника.

Второй глаз видит в мужчине отца будущего дитя.

Третий глаз видит в мужчине ребенка.

Все три глаза женщины смотрят в будущее, ее будущее. Они предчувствуют приходящее и не родившееся. Беременность – вот имя женщине. Трехглазость – вот суть ее.

Много наслышан я от людей о проницательности женщин, но вся проницательность их заключена в трех глазах, в будущее смотрят они; что не родилось, они видят. Беременность – вот имя той прозорливости.

Тогда говорила гетера: о, прост и хитер взор Елеазара, ребенком хочет быть Елеазар, ушел он от прямого ответа на вопрос, но я разгадаю тайну твою, Елеазар. Вижу, не зря ты носишь имя такое, вижу, не зря тебя называют мудрым, но не буду преклоняться пред тобой.

Я же отвечал: что ж, если умна ты, то зачем прячешь красоту свою в танце?

Но тут подошел богач и произнес: хватит разговаривать с оборванцем, мы уходим.

Тогда они ушли, и я тоже покинул рыночную площадь.

Ушел из Песочной Розы, и так говорил в сердце своем: Елеазар, ты любишь женщин, но множество людей называют меня сладострастником. Тот, кто так говорил, презирали тело и попирали землю гнусными мыслями.

Грех тому, кто презирает землю и тело свое.

Грех крестьянину, презирающему соху и косу.

Грех кузнецу, презирающему молот и металл.

Грех скорняку, презирающему шерсть.

Грех сапожнику, презирающему шило и кожу.

Грех портному, презирающему иглу и ножницы.

Не есть ли они большие сладострастники, кто говорит мне о том, что я есть сладострастник.

О, я знал этих любителей свежих тел и сладких смокв. Быстрыми ножками они передвигаются по земле и думают, что любят женщин. Нет, нет солнца в их сердцах, и преклоняются они перед молодым телом. А со временем, что будет? – Так вопрошаю я.

Не хочет Елеазар пресмыкаться во прахе, ребенком хочет быть Елеазар. Развенчала мои мысли женщина, что танцевала на рыночной площади. В испуге было сердце, но теперь исчез страх.

Говорила гетера: не буду преклоняться пред тобой.

Истинно вещаю я вам: мир той женщине, что не пожелает сиять через вас, а пожелает сама сиять и равной быть. Нет преклонения в словах этих, но есть радость в сердце. Как два равных солнца, взошедшие над горизонтом, как две луны, отражающиеся в океане жизни – вот мой завет вам, мужчина и женщина. Будем, как солнце!

9

Снова я побывал на площади, где танцевала гетера, но не оказалось ее, а стоял на возвышении человек, что проповедовал о государстве. Говорил он весьма красноречиво. Я находился в толпе и тоже слушал его. Вот, что он проповедовал.

Вы клянете свое рабство, но что дать взамен? Вы думаете, что я могу вам преподнести свободу? Нет. Вы думаете, что государство даст вам ее? Нет. Свобода – драгоценный алмаз, но он не валяется на дороге. Вы хотите взять его? Но кто мешает вам? Свобода та вещь, которую нужно взять, по сему лишь своей рукой вы можете сделать это, только так. Никто не даст ее вам. Берите любой предмет. И камень – сгодится. Свобода любит охотников, возьмите оружие – и вперед. Только так, как я говорю, вы обретете ее. Меж вами только равенство и братство. Только так. Я проповедаю вам новое государство, свободное государство. Таков мой совет. Идите и берите свое, ибо у вас ничего нет кроме воли к власти.

Так говорил тот человек.

Я слушал и смеялся в сердце своем. Сколько наивных ушей вижу здесь. Сколько порочных уст хулящих на свободу. Лишь одни уста льют ложь, но и их вполне довольно, чтоб перекрашивать и крошить мозг. Что знаем мы о свободе? Ах, лучше было б проповеднику нового государства жить на одиноком острове или быть пораженным молнией, нежели говорить ложь. Свобода не то, что берется. Истинно говорю вам: свобода в сердце и нет орудий, чтоб взять ее, ибо снаружи нет свободы. Истинно говорю вам: если слышите на площадях разговоры о свободе и гражданском обществе, то бегите с тех площадей. Я чувствую, как огромный змей вьет свои кольца, чтоб задушить вас. Где кричат о свободе, там пахнет кровью и разрушениями.

Так я смеялся в сердце своем над человеком, чьи уста хулили, а потом удалился с площади.

Шел по улице и наткнулся взглядом на женщину. Это была гетера. Говорила она слова медовых приветствий и приглашала в дом, ибо получила женщина вольную. Один человек выкупил ее и отпустил. И вот я в дом ее, и предложила она мне хлеба. Говорил ей: зачем мне хлеб твой? И предложила она мне вина. Говорил ей: зачем мне вино твое?

Тогда встала гетера и молвила: Елеазар, знаю я многое. Знаю много танцев и могу сплясать тебе. Знаю много песен и могу спеть тебе. Знаю много удивительных историй и могу рассказать тебе.

Тогда я говорил гетере: не надо танцев и рассказов твоих. Самый красивый танец видел я: это огонь, пляшущий на ветках костра. Историй твоих не надо, ибо сам тебе поведаю историю. Знаешь, гетера, люди живут и думают, что они живут. Ох, они думают, что танцуют, но просто корчатся, корчи они называют танцем. Знаешь, гетера, у людей есть одно маленькое удовльствице, жизнью они называют его, но не чувствуют, что идут на костылях. Поэтому не танцуй, не рассказывай, но спой.

Тогда спросила гетера: что спеть? А какие песни знаешь ты? – спросил я. Отвечала гетера: знаю много песен любовных. Тогда я так говорил гетере: подойди ко мне и спой на ухо самую прекрасную песню о любви, которую знаешь ты. Спой тихо-тихо. Спой сладко-сладко. Пой еще и еще, ибо свет снизошел на меня, и небеса объяты радостью.

10

Многие лета странствовал я по свету, и много людей встречал на пути. Многие из них называли себя учениками Елеазара, но не было среди них таковых. Но если пожелают они слыть моими последователями, то пусть будет так.

Много было прожито лет, но вот время настало уходить из этого мира.

Люди, что называли себя учениками Елеазара, скорбели о моем уходе. Я ж говорил им: о чем скорбите вы? О прахе или о душе? Неужели считаете, что я буду вечно с вами? Нет, я не обещал. И вам советую не зарекаться никогда. Лишь одно обещаю: вернусь к вам снова, только вы не узнаете меня.

Так успокаивал их, но к моему одру хотела пройти женщина, что танцевала на площади, что было в Песочной Розе, но люди преградили ей путь. Тогда я сказал им, чтоб пропустили. И гетера подошла к одру и склонилась надо мной. Говорил я: ты так молода, но зачем слезы в очах твоих? Зачем грустна в этот самый светлый день моей жизни?

Обратился я с речью ко всем: знаю, знаю, от чего печальны вы, слишком много добра причинил вам, но нельзя поддаваться унынию.

Говорил им: а теперь отойдите, покиньте дом мой, ибо желаю отрешиться от мира сего. Быть в полном одиночестве. Достаточно боли вам. Хочу быть один, ибо человек рождается и умирает, но он всегда одинок, никого рядом. Рождался я – и был один, теперь пришло время второго одиночества.

Исполнили они просьбу и оставили одного. Когда ушли люди, то воспрял духом с одра и вышел на встречу к солнцу. И было оно равное мне. Я – ему. И был я велик, легок и светел как лучезарное солнце у горизонта. Светило улыбалось устами бога, золотя путь мой.

Как покинул я дом, вошли в него люди, и обнаружили тело мое, но не оказалось меня здесь. Тогда взяли они прах и закопали, и была тризна, и шел третий день поминания.

Перед домом возлежали за тризной люди, и гетера была здесь. Тогда я подошел к ним и говорил: что за печаль на лицах?

Отвечали они: схоронили Елеазара великого мудреца и справляем тризну.

Можно и я буду с вами? – спросил я их.

Согласились они, и гетера поднесла мне хлеб и вино, и тогда узнали меня. И дивились, и говорили поминальщики: нечистый дух это. Я же молчал. Тогда один из людей, что называл себя учеником Елеазара, спросил: ты ль это, Елеазар, и если воскрес, что видел там? Видел ли злых духов?

Тогда так отвечал: злых духов нет там, и после смерти нет ада, вас обманули. И вновь замолчал.

Тогда заговорила гетера: вот молчит Елеазар, спокоен и легок взгляд его, улыбка на устах, и радость ютится в уголках губ. Ответь, Елеазар, что видел ты там; раз нет ада, то есть ли жизнь, похожая на земную?

Тогда так отвечал всем: истинно вам говорю, смерти нет. Есть жизнь, такая как здесь, но лучшая. Видел солнце у горизонта, нет не солнце, а Жену, облаченную в солнце. И держала она на руках золотистую розу, нет, не розу, а ребенка. И вот были даны Жене два крыла легких, чем дыхание и прозрачней, чем хрусталь. И вот взметнулась Она на крыльях под самый зенит так, что взор был бессилен увидеть ее.

Тогда вопрошали люди: что значит сие?

Тогда так говорил: Жена, облаченная в солнце – есть Новый Завет мира, что родится меж нами, а роза или ребенок, то Новый Мир, что будет для всех.

Истинно говорю: вы все умрете, как и я, но, так же как и я воскресните на третий день по смерти своей. Стряхнете грезы с очей и пыль дорог со ступней. О да, другими глазами

посмотрите на мир, цветущими ликами будете вы. Воскресните все и увидите друг друга, и возрадуетесь. Так оно и будет, как я завещаю сейчас, ибо время близко.

13 апреля – 10 июля 2008 года.

У синего моря

Аннотация: Дмитрий по совету врача отправляется к морю, чтобы поправить здоровье после тяжелой болезни. В пансионе, что располагался на побережье, среди гостей его привлек один человек.

1

Дмитрий посмотрел в окно.

В Петербург пришла весна. Вяло пробираясь по улицам, она превратила некогда пушистый снег в кашу, хлюпающую под колесами извозчицких телег и ногами прохожих. Клочкообразные жемчужные пятна виднелись повсюду. Снег был похож на морскую пену: ноздреватый и рыхлый. Тоскливая картина для гостей северной столицы, но о вкусах не спорят. Дмитрию нравился такой городской пейзаж: сонные улочки, мокрые мостовые, окутанный сизой дымкой город, тусклое солнце, дремотно взирающее на землю. Он провел пальцами по холодному стеклу и вспомнил недавний диалог с врачом. На его вопрос «а, может, обойдется?» столичный эскулап Михаил Афанасьевич ответил спокойно и невозмутимо:

– Нет.

Конечно, Дмитрий являлся очередным пациентом меж сотни других, и уже за многолетнюю практику у врача имелся богатый запас слов и выражений, который он использовал в разговорах с больными. Михаил Афанасьевич сказал, что необходимо сменить обстановку: покинуть слякотный Петербург, уехать куда-нибудь к морю. Поэтому настойчивая просьба Дмитрия – может, обойдется, не стоит никуда ехать – была отклонена. И врач продолжил наставлять: «Молодой человек, вам уже тридцать лет, поэтому в вашем возрасте стоит подумать о здоровье. С воспалением легких не шутят, и я настоятельно рекомендую вам поездку южнее этих мест. Да, не перебивайте, – Михаил Афанасьевич открыл все выгоды поездки, – первое, перемена благотворна повлияет на вашу психику. Как-никак новые впечатления. Второе, мягкий южный климат полезен для вас. Наконец, третье, вы можете это позволить. Неделька вас не обременит. Так?»

Он с улыбкой вспомнил визит врача, ибо почувствовал себя в его присутствии ребенком. Воспоминания нахлынули на Дмитрия. Они пришли из далеких и нереальных времен, называемых детством. И не было четкой последовательности событий, лишь игривый калейдоскоп маленьких эпизодов из жизни, сверкающих и легко запоминающихся, что сложились в его памяти в чудесную мозаику. Все истории, когда Дмитрий был мальчиком, вышли из материнского лона природы, уютного и любящего. Странно, что Дмитрию понравился Петербург. Либо привык уже, либо в душе тайно стремился к нему, и теперь жалел, что хоть и на короткое время расстается с северной столицей.

Михаил Афанасьевич был доволен. Он исполнил долг. Поднявшись со стула, врач взял чемоданчик и направился к двери, но перед самым выходом остановился и произнес напутственное слово, не удержался от дидактики: «Уж простите меня за то, что я повторяюсь. Дался вам этот слякотный город. Что вас держит в Петербурге? – Ничего. Так езжайте, молодой человек. Лучше завтра. Так что… До свидания, господин Лебедев».

И он ушел.

Прокрутив в голове эпизод с врачом, Дмитрий, измерив шагами комнату, сел на кровать. «Хорошо, Михаил Афанасьевич. Я вас прекрасно понял», – ответил он тогда врачу.

Дмитрий решил собрать дорожный несессер. Вспомнил о знакомом, который однажды в праздной беседе упомянул о «замечательном пансионе». Дмитрию тогда захотелось подробнее узнать о месте, где собирался пробыть целых семь дней. «Замечательное место, – вспомнились слова приятеля, – хочешь тишины и покоя? – То непременно отправляйся туда. Я был однажды. Весьма сносно: распорядок, персонал и прочее…».

Насколько известно Дмитрию, сначала не было никакого пансиона, а имелся двухэтажный дом, предназначенный для немногочисленного семейства: Павел Аркадьевич Кнехберг, жена его и дочь. Шло время, и количество жителей сократилось до одного человека. Неведомы причины таких изменений, да и Дмитрий не вдавался в подробности. Некогда было.

Приятеля он встретил на поэтическом вечере, который плавно перетек в поэтическую ночь. Ему удалось перекинуться со знакомым парой слов и все, а дальше музыка стихотворений завладела их душами. Они погружались в чарующую мелодию, как некоторые жадно припадают воспаленными губами к бокалу вина, чтобы погрузиться на короткое время в сладкий дурман. Слова о пансионе забылись, но посещение врача воскресило этот короткий разговор.

Итак, двухэтажный дом опустел. Остался лишь Кнехберг Павел Аркадьевич, который не любил распространяться о своей личной жизни. Также он, хозяин дома, предпочитал говорить «пансион», а не «гостиница», а тем более не «дом отдыха». Господин Кнехберг мотивировал это следующими словами: «Попахивает казенщиной, уж извините. С моей точки зрения наименование «пансион» куда лучше всего остального». «Хорошо, пансион так пансион», – подумал Дмитрий. Он не собирался спорить с Павлом Аркадьевичем, когда дозвонился до него. По телефону Лебедев обсудил с хозяином маршрут. Оказалось, что нужно ехать с пересадками. Конечным пунктом являлась станция Н***. Недалеко от вокзала Дмитрия будет ждать экипаж. Господин Кнехберг в излишних подробностях живописал его: колеса, рессоры, обивочные материалы. «К чему такая педантичность?» – удивился Дмитрий, – думаю, и так найду, не растеряюсь».

«Кроме того, – предупредил Павел Аркадьевич, – в экипаже, я уверен, будет сидеть господин, так что не удивляйтесь. Он наш постоянный гость».

2

Дмитрий сел в поезд и сразу задремал. Вагоны тронулись и далее, казалось, пейзаж поплыл в окне – это фантазия, свободная от диктата разума, рисовала картины. Поэтический вечер, подобно бликам на водной глади заиграл всевозможными красками. Прошла рябь, а затем воспоминание стало более четким. Он увидел знакомого, сидящего за столиком. Все повторилось, но незнакомка, о которой вещал поэт в стихотворении, медленно проплыла в видении закутанная в черные обтягивающие шелка. Ее фигура была тонка словно тростник, лица не видно под темной вуалью. Она прошла и исчезла. Безвольный голос поэта, сквозящий обреченностью, умолк. Тишина, как стопудовая гиря обрушилась на слушателей, но где-то в Таврическом саду запели соловьи, возвращая людей к реальности. Поэт обвел присутствующих взглядом, и Дмитрий окунулся в дремотно-голубые глаза творца стихов. Лебедев вспомнил хмурое небо Скандинавии, такое же дремотно-голубое. И вновь блики, затем яркая вспышка. Стук вагонов выдернул Дмитрия из грезы. До конечного пункта – станции Н*** – осталось меньше часа. Он посмотрел в окно. Прошел дождь, пока Дмитрий спал, редкие капли оставили на стекле влажные полоски.

Наконец, станция.

Лебедев спустился на платформу и, следуя указаниям, что дал господин Кнехберг, прошел в нужном направлении.

Экипаж оказался открытым. Дмитрий сразу издалека заметил человека, сидящего на пассажирском месте. Подойдя ближе, Лебедев увидел мужчину сорока лет. Густые черные волосы его без пробора зачесаны назад, кустистые брови свисали над веками, пушистые усы аккуратно подстрижены, закрывая верхнюю губу и сглаживая дисгармонию черт: выдвинутый волевой подбородок.

– Здравствуйте, этот экипаж идет в пансион господина Кнехберга? – обратился к незнакомцу Дмитрий.

– Да, – ответил тот и внимательно посмотрел серыми глазами на Лебедева.

Взгляд незнакомца будто посмотрел сквозь.

Дмитрий сел в экипаж и представился:

– Лебедев Дмитрий Иванович.

– Милославский Михаил Станиславович, – сказал попутчик.

Они покинули вокзал. Дмитрий не заводил разговоров с Милославским, а в основном смотрел по сторонам, разглядывал места, по которым ехал экипаж и лишь иногда бросал короткие взгляды на соседа. Все же любопытство заставило Лебедева остановить внимание на Михаиле Станиславовиче. С первых минут встречи Дмитрия привлекла его внешность. Она казалась не из здешних времен, но более всего поразил взгляд Милославского. Тот первый взгляд попутчика. Он будто смотрел сквозь человека, пронизывая подобно рентгену.

По левую руку от соседа на сиденье стоял несессер. Дмитрий внимательно разглядел небольшой чемодан по форме напоминающий куб. Он вспомнил, что и раньше встречал подобные саквояжи. Обычно в них перевозили письменные принадлежности: ручка-перо, набор запасных перьев, бумага, толстая тетрадь, чернильница и дополнительный флакон чернил. Дмитрий перевел взгляд на одежду. Милославский был закутан в долгополое пальто, словно боялся морозов, хотя климат вовсе не располагал к такой предосторожности. Попутчик сидел расслабленно, откинувшись на спинку и погруженный в свои думы, не обращая внимания на меняющиеся пейзажи, что застывшими картинами проплывали перед его глазами, не вызывая душевных откликов. (Так подумалось Дмитрию). Будто попутчик многие лета жил на земле, и взгляд запылился, стал безучастным к потоку жизни.

Правую руку Милославский положил на подлокотник, а левая держала трость с набалдашником в виде головы черного пуделя.

– Простите, а вы в который раз посещаете пансион? – прервал молчание Дмитрий.

– В третий, – и сосед вновь замолчал, явно не желая продолжать беседу.

Реплика прозвучала безвольно и тихо, будто попутчику трудно или не хотелось беседовать, словно голосовые связки забыли о своем предназначении.

Лебедев вновь продолжил рассматривать места, по которым проезжал экипаж.

Жилых построек стало меньше. Дорога спустилась вниз, где справа синело море.

3

Дмитрий не знал, нравится ли ему южное море. Он созерцал впервые бескрайнюю стихию, синее тело которой, покрытое рябью, переливалось на солнце. Лебедев не раз слышал от знакомых (тех, что бывали на побережье) восхищенные отзывы, пропитанные романтичными нотками с привкусами грусти и тоски об упущенном времени: ах, почему мы раньше не отдыхали на море? Кто-то был безразличен к природе: ну, вода соленная ваше море и все, река лучше, а море – волны ветер и что?..

Наконец экипаж остановился. Дмитрий перевел внимание на дом. Бледно-песочного цвета фасад, терракотовая крыша, окна-глаза, удивленно распахнутые, будто у юной кокотки, обведены ярко-желтой краской, крыльцо темно-вишневое с маршами слева и справа, без фигурных изысков балясины и перила, навес, парадная застекленная дверь.

Коляску встретили два человека. «Один из них, скорее всего, хозяин пансиона, – подумал Лебедев, – а другой – слуга».

– Здравствуйте, господа. Меня зовут Павел Аркадьевич Кнехберг. Конечно, мое обращение относится к вам, господин Лебедев, а с господином Милославским мы знакомы.

Михаил Станиславович не прореагировал на реплику: не улыбнулся, не кивнул в ответ. Он хмуро поглядел на дом, сошел молча с экипажа и проследовал внутрь. Дмитрий удивился Павлу Аркадьевичу, снесшему пренебрежительное отношение гостя. Лебедев поймал взгляд Кнехберга, глянув вопросительно, но хозяин пансиона то ли не понял, то ли не желал давать разъяснения. Он произнес:

– Следуйте за слугой. Он покажет апартаменты. Багаж заберет. Ручную кладь принесет чуть позже. Хочу предупредить, господин Лебедев, ибо вы человек новый. В нашем пансионе каждый предоставлен сам себе. У нас свобода действий. Да что я говорю, так во всех пансионах. Помните только об одном: завтрак в восемь утра, обед в два часа, ужин в восемь вечера. Мы начинаем работать в шесть утра, когда просыпается прислуга. Пансион закрывает свои двери в одиннадцать вечера. Как видите, правила у нас простые и их легко запомнить.

Дмитрий поднялся в апартаменты. До обеда оставалось несколько часов, он решил отдохнуть взглядом, рассматривая интерьер. Комната оказалась уютной. «Вот еще бы в этот темный угол поставить камин», – подумал он. Заплясало бы пламя, взыграли желтые блики на серо-коричневых стенах, и помещение ожило бы, наполняясь спокойствием и неповторимым ароматом, по которому узнаешь долгожданный приют путешественника. А так, было отопление, и Дмитрий сразу заметил под окном черные ребра батареи.

Он сел за стол и машинально провел ладонью по гладкому дереву, удивившись, что чужое место вызвало в нем тихое чувство умиротворенности, словно приехал к себе домой. Открыв ящик, увидел кипу белоснежной бумаги. В остальных отделениях – пусто. Порадовали канцелярские принадлежности. Взгляд скользнул по ним, задержавшись на подставке. Он взял перо и поднес ближе – идеально. Сколько раз Дмитрий останавливался в гостиницах и всегда посылал проклятья, ибо перья брызгали, словно сморкались на бумагу. Острие цеплялось, и неловкое движение безнадежно портило лист.

Следующей жертвой внимания стал пухлый диванчик. Расположив подушки удобнее, он прилег на него и задремал. Очнувшись, Дмитрий посмотрел на часы. Скоро обед.

За столом собрались пансионеры. Господин Милославский не вышел. Павел Аркадьевич, сказав, что тот почивает, представил остальных: чета Камильковских и госпожа Арсеньева.

Речь зашла о Лебедеве, ибо он являлся новоприбывшим, и, как все новое, вызывал интерес.

4

– Не стоит, спустя рукава, относиться так к здоровью, – произнес господин Камильковский. – Я понимаю, дело молодое и чувствуешь в себе силы. Я тоже в ваши годы… А зря. Был бы, может крепче.

Камильковский продолжил наставлять, а Дмитрий слушал его вполуха, бросая короткие взгляды. Его заинтересовала госпожа Арсеньева. Она молчала на протяжении всего обеда, иногда косясь по сторонам. Что-то колкое было в ее взгляде. В этих маленьких черных угольках, готовых обжечь вас. Она смотрела не оценивающе, а словно уже все знала об окружающих. «Ага, вот вы какой», – говорил взгляд молодой девушки. «Или я ошибаюсь», – подумал Дмитрий, сосредоточено рассматривая ее. Их взгляды встретились. Черные угольки вспыхнули и тут же погасли. Он бы не сказал, что она смутилась, лишь приняла отсутствующий вид и уткнулась взглядом в тарелку. Закончив обед, девушка встала, пожелав приятного аппетита, и удалилась.

Камильковский все говорил. Его жена поддакивала. «Эпансипэ» – резануло слух, и Дмитрий переспросил:

– Что?

– Эмансипэ.

– О ком вы?

– Ну, о ней. – Камильковский сделал движение бровями. Конечно, он имел ввиду госпожу Арсеньеву.

– Откуда вам известно?

– Ну, господин Лебедев, это ж видно сразу. Я много таких особ встречал за свою долгую жизнь. Поверьте.

Дмитрий кивнул, но усомнился: «Эмансипэ? Ну, то, что она здесь без кавалера для меня это не…». Его мысли прервал Павел Аркадьевича:

– Любезнейше прошу прощения. Должен удалиться. Дела-с.

За столом остались трое. Беседа стала вялотекущей: куски фраз иногда нарушали тишину. Наконец, Дмитрий встал, откланялся и ушел к себе в комнату.

Он постоял у окна минут пять или десять, наблюдая за морским пейзажем. Неспешные волны подкатывали к берегу, и жемчужная пена разбивалась о камни, исчезая. Вода, лизнув берег, уступала место другому валу, и все повторялось вновь и вновь, но никогда не повторяя старые движения. Это завораживало. Казалось, можно было наблюдать до бесконечности. Однако Дмитрия вывел из задумчивости господин Милославский. Он появился на берегу. Фигура его двигалась будто в тумане: невнятно и замедленно. Он разложил шезлонг, который нес в руках, расправил плед, встряхнув его, укрылся. Милославский застыл на лежаке и, казалось, внимательно смотрел море. Он стал частью пейзажа, будто слился с побережьем, но Дмитрия заинтересовал этот одинокий человек. Чувство неясное, смешанное с любопытством, подстрекало к знакомству.

Он покинул номер. Решительно пробежав ступени и выйдя наружу, замедлил шаг и остановился. «О чем мне с ним говорить? Как начать беседу?» – задался вопросом, но более всего мучили сомнения: а стоит ли, и что же привлекло внимание? Почему именно этот отшельник притягивал к себе? Ведь Дмитрий много встречал людей, сторонящихся общества, и у каждого, конечно, были тайные мотивы вести себя так, но никто не вызвал мимолетного любопытства.

Голос за спиной прервал мысли.

– Он всегда один, – сказал Павел Аркадьевич.

Дмитрий обернулся и спросил:

– Один?

– Да. С самого начала. Когда господин Милославский впервые приехал в пансионе, его поведение меня насторожило. На обед он не выходил. Сухо держался со всеми. Он не вел длинных и пространных бесед. Его речи скупы, в пределах светской любезности. Он очень замкнут, – господин Кнехберг задумался и заговорил вновь. – Представьте себе, Дмитрий Иванович, такую картину. Начинается ужин. Мы рассаживаемся. И вот появляется наш герой. Он, словно неведомое существо иного мира, вышагивает осторожно из тишины номера на свет. Мы никак не привыкнем к этому. Он появляется на ужине в очках с почти сферообразными линзами, ибо плохо видит вблизи. Весь он внимателен и напряжен – это одновременно пугает и вызывает чувство жалости. Он садится на место и не ведет бесед. Господин Милославский лишь желает всем приятного аппетита, оказывает знаки внимания, но не более того. Ест медленно. Он дегустирует блюда. Всегда пробует, не слишком ли горяч суп, не очень ли остр соус, не крепок ли чай. Кофе никогда не пьет. Избегает любых алкогольных напитков. Не курит. Мне кажется, у него слабый желудок. Вот и все, что я могу рассказать о нем.

5

Он решился заговорить с Милославским.

– Здравствуйте.

Станислав Михайлович промолчал. Он повернул голову в его сторону. Взгляд Дмитрия, невольно упавший на трость, задержался. Опять рукоять в форме головы черного пуделя привлекла внимание.

– Добрый день, – ответил человек, отдыхающий на шезлонге.

А дальше разговор не заладился. Обычный вопрос: «А почему Вас не было на обеде?», что произнес Дмитрий, понимая собственное косноязычие, не смутил Станислава Михайловича. Он обронил фразу:

– Это все Камильковские.

– Простите?

– Не вызывают они доверия.

– По-моему милые старики…

– А вы читали Гоголя? «Старосветские помещики»?

– Добрая история.

Милославский зябко пожал плечами и, сосредоточенно, будто что-то обдумывая, сказал:

– Я не говорю о ценности сего произведения. Но персонажи повести вызвали у меня чувство омерзения.

– Но это не повод отказывать в обеде. Может, вы ошибаетесь?

– Молодой человек, я очень долго живу на земле, чтобы…

Он, посмотрев на собеседника, замолк, пронзая взглядом. В сферообразных стеклах блеснуло, искажаясь, синее небо. Очки не шли Милославскому. Они, подобно инородному предмету, деля лицо на две неравные части, разрушали образ странного человека. Что-то флибустьерское, из варварских времен было в его внешности, а этот аксессуар словно искусственно добавил какой-то шутник.

– И вовсе я не прячусь от «милых стариков», как вы подумали.

– Но откуда…

– Я наблюдаю. Если вы пойдете в правую сторону от пансиона, где береговая линия изгибается, то чрез пару шагов за насыпью увидите низкий курган и два тюльпана на его вершине.

Дмитрий стоял в недоумении. Спорить с Милославским ему не хотелось. Собеседник то ли не хотел говорить, то ли забавлялся, нарочно игнорируя слова и уходя от темы. «Какие тюльпаны? Курган? Причем здесь это?» – мысленно возмутился он, рассматривая человека на шезлонге, который обратил взор к морю, выказывая нежелание продолжать разговор.

Курган…

Два цветка…

Он, представив себе эту сюрреалистическую картину, направился неспешной походкой вдоль береговой линии.

«Все ж почему Милославский такой… Такой не светский человек. Видно, что не хочет общаться», – удивился Дмитрий.

И вот, наконец, он стоял перед курганом. Действительно, два красных, еще не увядших, тюльпана лежали, прижатые камнями. Гладкие лепестки чуть колыхались на ветру.

Он возвратился. Милославский лежал в шезлонге и, безучастно наблюдая за волнами, как будто спал, убаюканный плеском.

– Вы кому-нибудь говорили о кургане? – спросил Дмитрий.

– Нет, – не оборачиваясь, ответил тот.

– Почему?

– Люди щедры на слова. В этом секрет их бессилия.

Странная фраза. К чему сказана?

– Наша жизнь, как и все в мире, увянет, но тюльпаны остаются свежими, – произнес собеседник, поднявшись с шезлонга.

– Ясно, их меняют. Но кто?

– Уже который сезон, наблюдая за тем местом, мне не посчастливилось видеть человека, придумавшего эту игру. Возможно, тайна случается ночью. А в данный момент я покину вас. Голова болит.

Господин Милославский, бросив плед на руку, сложил шезлонг и, в конце отвесив поклон, удалился.

Дмитрий, посмотрев в спину уходящему человеку, почему-то ощутил внутреннюю пустоту, словно его обокрали, оставили наедине с тайной.

6

Жизнь у моря текла медленно. Тягучий день сменяли такие же ленивые сумерки.

Он поднялся в номер, лег на диван. Сон все-таки победил. Глаза одолела усталость, словно кто-то влил свинец в веки. Пред взором стоял потолок, танцующий в ритме вальса. Бежевый, он качался, как на волнах и, убаюкав себя выдуманной мелодией, Дмитрий закрыл глаза. Он услышал на периферии сознания шум воды – размеренные всплески, хруст камушков под тяжестью ноги. Кто-то прошел берегом, не спеша. Это было время. Оно покидало эти края.

Он открыл глаза, поднялся с дивана, и, подойдя к окну, решил: «Если так будет продолжаться, я умру от тоски». Но сон как рукой сняло. Дмитрий увидел госпожу Арсеньеву. Та медленно прошла стороной, уходя вправо от пансиона туда, за береговой изгиб. «Она? – удивился он. – Да не может быть. Носит тюльпаны? Зачем?» Легкий ветер колыхал ее темное платье, а девушка осторожно следовала к ведомой только ей цели.

Дмитрий вышел из номера. Он проследил за ней, осторожно ступая, иногда замирал, боясь, что она, повинуясь инстинкту, обернется, но опасения были напрасны. Наконец, она скрылась из виду, и он зашагал быстрее и увереннее, не заботясь ни о чем. Скоро откроется тайна, или…

– Госпожа Арсеньева, – голос Дмитрия прозвучал неуверенно.

Она, стоя у кургана, слегка повела плечами и обернулась.

«Нет, не она носит цветы», – почему-то родилась уверенность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.